

Сомов и другие. Максим Горький gorki.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorki.ru/> Приятного чтения!

Сомов и другие. Максим Горький

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

С о м о в.

А н н а - его мать.

Л и д и я - его жена.

Я р о п е г о в.

Б о г о м о л о в.

И з о т о в.

Д у н я ш а - горничная.

Ф ё к л а - кухарка.

Т р о е р у к о в.

Л и с о г о н о в.

С и л а н т ь е в.

Т и т о в а.

А р с е н ь е в а - учительница.

Д р о з д о в.

Т е р е н т ь е в.

Л ю д м и л а.

К р ы ж о в.

К и т а е в.

С е м и к о в.

М и ш а.

С о м о в - инженер, лет 40, говорит сухогато; под его сдержанностью чувствуется сильное нервное напряжение, в сценах с матерью - резок и даже груб, в сцене с женой, обнаруживая своё честолюбие, откровенен не потому, что говорит искренно, а потому, что проверяет себя.

А н н а - его мать, - лет 60, женщина бодрая, хороших "манер".

Л и д и я - лет 27, ленивые движения, певучий голос, жить ей одиноко и скучно; Арсеньева оживляет воспоминания юности её, и потому она тянется к ней.

Я р о п е г о в - лет 40-42, - школьный товарищ Сомова, человек, которого Лидия объясняет правильно.

Б о г о м о л о в - лет 60, - обижен, обозлён.

И з о т о в - лет 55, - картёжник, любит поесть, выпить.

Т р о е р у к о в - неудавшийся авантюрист, человек, способный на всё из мести за свои неудачи.

Т и т о в а - лет 45, - толстая, пошлая, неглупая.

А р с е н ь е в а - лет 30, - человек, увлечённый своим делом.

Т е р е н ь т ь е в - лет 35, - рабочий, директор завода, добродушен.

Д р о з д о в - лет 30, - красив, суров, недоверчив.

К и т а е в - лет 30.

К р ы ж о в - за 60 лет.

С е м и к о в - лет 25-23, - вялый парень.

М и ш а - лет 20.

Д у н я ш а - тоже.

Л ю д м и л а - 18-20 лет.

Ф ё к л а - за 60 лет.

Л и с о г о н о в - тоже.

С и л а н т ь е в - лет 45.

ПЕРВЫЙ АКТ

Новенькая, деревянная дача. Терраса; у стола - А н н а С о м о в а, в капоте, пенснэ; читает газету; перед нею - кофейный прибор.

Д у н я ш а. Спекулянт масло принёс.

А н н а. Во-первых: надо говорить - частник, а не спекулянт.

Д у н я ш а. Мы так привыкли.

А н н а. Спекулянт - обидное слово, обижать людей - дурная привычка. Во-вторых: где Фёкла?

Д у н я ш а. Ушла куриц покупать, что ли...

А н н а. Пусть Силантьев подождёт.

Д у н я ш а. Он денег хочет.

А н н а. Просит, а не - хочет.

Д у н я ш а. Не хотел бы, так не просил.

А н н а. Вы говорите много лишнего. Пусть придёт сюда. - (Сердито, через газету смотрит вслед Дуняше. Отшвырнув газету, подходит к перилам террасы. На лестнице Силантьев, мужик лет 45.) Здравствуйтесь, Силантьев!

С и л а н т ь е в. Доброго здоровья, Анна Николавна.

А н н а. Ну, что у вас, как - дочь?

С и л а н т ь е в. Плохо.

А н н а. Не помогает доктор?

С и л а н т ь е в. Нет. Да ведь какой она доктор, извините...

А н н а. Что ж она говорит?

С и л а н т ь е в. Да ведь что ей говорить? Она не её, она - меня всё лечит. Не так, видишь ты, думаю я, не её мыслями. Я ей говорю: "ты - брюхо лечи, а не душу, душу лечить - дело не твоё! Ты, говорю, себе душу-то полечи".

А н н а. Очень жаль, что Маша захворала, я так привыкла к ней.

С и л а н т ь е в. Новая-то у вас бойка больно.

А н н а. Да, вот до чего дожили мы, Силантьев!

С и л а н т ь е в. Не говори! Дышать нечем. Комсомол этот, Мишка: "На Кавказ, говорит, надобно Марью-то". Это - в старину солдат на Кавказ посылали, а она девка.

(Сомов вышел, стоит у стола, разбирая газеты, прислушивается.)

С и л а н т ь е в. Учит меня: "Ты, говорит, богатый, а для дочери денег жалеешь".

А н н а. Они - завистливы на чужое богатство.

С и л а н т ь е в. Ну да! Понимают, что человек без денег - как птица без крыльев...

А н н а. А всё, что у нас отняли, - промотали...

С о м о в. Надо бы кофе...

А н н а. Ах, ты здесь? Позвони...

С о м о в. Не действует звонок. Вы уж сами...

А н н а. Идите в кухню, Силантьев, я там расплачусь с вами.

С и л а н т ь е в. Дрова тут возил я вам. Да за двух зайцев...

[Силантьев уходит.]

А н н а. Хорошо, хорошо! (Подходит к двери, звонит.) Звонок действует.

С о м о в. Не одобряю я эти твои беседы.

А н н а. Ах, вот почему не звонит звонок! Ты что хочешь, чтоб я онемела, когда все кругом возмущены?

С о м о в. А ты организуешь возмущение, да?

А н н а. Мне кажется - с матерью не следовало бы говорить иронически! И даже не поздоровался.

С о м о в. Прости. Но твои "беседы с народом", вроде этого торгаша, Лисогонова и...

А н н а. Ты считаешь глупыми? Нет, уж ты разреши мне это! Ты живёшь с умниками, а я привыкла жить с глупыми, но честными...

С о м о в. Я должен сказать, что мне особенно не нравится этот, хотя и полумный, но подозрительный учитель пеняя...

А н н а. Он - учитель истории, а пению учит по нужде. Ты ведь знаешь, что теперь в России истории нет...

С о м о в. Послушай, мама...

[Входит Яропегов.]

я р о п е г о в. Бонжур (добрый день (франц.) - Ред.), мадам! Николай, у тебя в спальне мухи есть?

С о м о в. Есть.

Я р о п е г о в. Советую: бей мух головной щёткой!

С о м о в. Нелепая у тебя привычка начинать день глупостями!

Я р о п е г о в. Это – не глупости, а ценное открытие. Я вчера, ложась спать, перебил щёткой несколько десятков мух. Кстати – об открытиях: Иваненко сообщает, что открыл богатейшие залежи полиметаллической руды. Везёт советской власти!

А н н а. А – кто везёт? Это – вы, вы везёте! Страшно подумать, что вы делаете... (Возмущена почти до слёз, уходит, говоря.) Только и слышишь: там открыли, тут нашли... Ужас!

Я р о п е г о в. Боевое настроение мамы всё повышается...

С о м о в. Здесь это ещё более неуместно, чем в городе.

Я р о п е г о в. Ты хотел весной отправить её и Лидию за границу?

С о м о в. Неудобно было хлопотать.

(Дуняша вносит кофе.)

Я р о п е г о в. Как спали, Дуня?

Д у н я ш а. Лёжа, Виктор Павлович.

Я р о п е г о в. А что во сне видели?

Д у н я ш а. Ничего не видала, я сплю закрыв глаза.

Я р о п е г о в. Bravo!

[Дуняша уходит.]

С о м о в. Дерзкая девчонка.

Я р о п е г о в. Очень милая курочка!

С о м о в. Я смотрю на неё не с точки зрения петуха.

Я р о п е г о в. Ты что сердишься? Не выспался?

С о м о в. Вчера Терентьев наговорил мне комплиментов, с этим, знаешь, чугуном его простодушием. И кончил так: "Замечательный, говорит, вы работник, товарищ Сомов, люблюсь вами и думаю: скоро ли у нас свои такие будут?"

Я р о п е г о в. Ну, и – что ж? Чувствует, что мы не товарищи, а или гуси или свиньи.

С о м о в. Ты всё шутишь, Виктор, грубо и неумно шутишь. Смазываешь себя жиром шуточек, должно быть, для того, чтоб оскорбительная пошлость жизни скользила по твоей коже, не задевая души.

Я р о п е г о в. Какой язык!

С о м о в. И забываешь о том, что нам необходимо полное доверие с их стороны.

Я р о п е г о в. Я склонен думать, что пользуюсь таковым.

С о м о в. Ты! Доверие необходимо нам всем, а – не единице! Против нас – масса, и не надо закрывать глаза на то, что её классовое чутьё растёт. Ты читаешь им что-то такое, ведёшь беседы по истории техники, что ли... они принимают это как должное...

Я р о п е г о в (смеётся). Они лезут ко мне в душу, точно в карман, где лежат их деньги. Говоря правду – мне это нравится.

С о м о в. То есть тебя это забавляет, но ты ошибаешься, думая, что они

Сомов и другие. Максим Горький gorki.ucoz.ru
относятся к тебе лучше, более доверчиво, чем ко мне, Богомолу.

[Входит Фёкла.]

Фёкла. Николай Васильич...

Сомов. Что вам нужно?

Фёкла. Анна Николаевна спрашивает: придёт к завтраку кто-нибудь?

Сомов. Да. Двое.

Фёкла. А что готовить?

Сомов. Ну... Всё равно!

Яропегов. Что у вас есть?

Фёкла. Курочка есть хорошая.

Яропегов. Опять курочка! Побойтесь бога...

Фёкла. Нет уж, покорно благодарю, боялась, да перестала! Телятина есть.

Яропегов. Фёкла Петровна, – неужто бога-то не боитесь?

Фёкла. Нет, Виктор Павлыч, весёлый человек, не боюсь! Я – старушка неверующая, мне бог столько судьбы-жизни испортил, -- вспомнить горестно! Так чего же готовить? Мозги есть.

Яропегов. Мозгов у нас своих избыток.

Фёкла. А – не хватает завтрак заказать.

Сомов. Послушайте, идите к жене...

Фёкла. Почивает ещё.

Сомов. Ну... Вы мешаете нам!

Фёкла. Так я – ушла. А опоздает завтрак, уж не моя вина. [Уходит.]

Сомов (раздражён). Удивляюсь, как ты можешь болтать с этой дурой!

Яропегов. Это, брат, замечательная старуха! Жизнь её – сплошная драма, но она рассказывает её в юмористическом тоне!

Сомов. Ах, пошли ты её к чёрту!

Яропегов. Нет, ты попробуй, вообрази драму в юмористическом тоне...

Сомов. Послушай, ты нарочно дразнишь меня?

Яропегов. Тебя вот оцарапало простодушие Терентьева, и ты уже готов! Воспринимаешь жизнь трагически.

Сомов. Брось болтать чепуху, Виктор.

Яропегов. У тебя, брат, кислая дворянская закваска, а у меня: дед – дьякон, отец – унтер-офицер...

Сомов. Ах, не говори пошлостей...

Яропегов. Ну, брат, классовая заквасочка – не подлость, это ты бухнул зря!

(Пауза.)

Сомов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

С о м о в. Геологи чересчур много открывают. Рентабельность этих открытий весьма сомнительна. Протасов сравнивает геологов с девицами, которые, торопясь выйти замуж, слишком декольтируются.

Я р о п е г о в. То есть хотят угодить властям? Я слышал, что последний доклад его – насквозь антисоветская пропаганда.

С о м о в. Чепуха! Просто он – как всегда – грубовато говорил...

Я р о п е г о в. Вообще у вас тут атмосферочка ядовитая. Это – что? Воздействие шахтинского процесса?

С о м о в. Ядовитости – не замечаю, а "самокритика" сильно растёт. Ну, разумеется, и шахтинское дело нельзя забыть. Кроме того, разлад в Кремле...

Я р о п е г о в. Возбуждает надежды?

С о м о в. Говорит о том, что товарищи трезвеют.

Я р о п е г о в. Гм? Так ли? По-моему, лучшие из них – неизлечимые алкоголики от идеологии. Идеологии у них – девяносто процентов.

А р с е н ь е в а (входит на лестницу). Лидия Борисовна дома?

С о м о в. Да. У себя. Пожалуйста...

Я р о п е г о в. Это – что?

С о м о в. Учительница, подруга жены по гимназии.

Я р о п е г о в. Какая... гм! Партийка?

С о м о в. Не знаю, не знаю! Слушай, Виктор, к завтраку приедет Богомолов...

Я р о п е г о в. Настраиваюсь благоговейно.

С о м о в. Он, вероятно, начнет говорить о фабрике Лисогонова, о её восстановлении, расширении и так далее. Я – решительно против этого. Не вижу смысла реставрировать и обогащать мелкие предприятия туземцев. Ты знаешь мою точку зрения: ориентация на европейца, на мощность... Советская власть должна вернуться к концессиям, иначе...

Я р о п е г о в (закуривая). И так далее. В общем – гениально.

С о м о в. У Богомолова – личные причины, какая-то старая связь, даже, кажется, родство с Лисогоновым. (Гудок автомобиля.) О, чёрт! Кто это?

Я р о п е г о в. Терентьев. И этот, новый, его заместитель.

С о м о в. Не очень приятная фигура.

Я р о п е г о в. Интересный парень, кажется.

[Входят Терентьев и Дроздов.]

Т е р е н т ь е в. Почтение строителям!

(Дроздов молча пожимает руки.)

С о м о в. Добрый день, Иван Иванович...

Т е р е н т ь е в. День – хорош, да вот из Москвы – нагоняй нам. Читали?

С о м о в. Нет. Где?

Т е р е н т ь е в. А – вот!

Я р о п е г о в (Дроздову). Курите?

Д р о з д о в. Спасибо.

Я р о п е г о в. Охотник?

Д р о з д о в. Балуюсь. А – как вы догадались?

Я р о п е г о в. Видел вас в лесу с ружьём.

Д р о з д о в. Ага! (Отходит в дальний угол террасы.)

С о м о в. Ну, это пустяки!

Т е р е н т ь е в (вздыхая). Самокритика, конечно...

С о м о в. Да, погибают...

(Лидия, Арсеньева – выходят из комнаты.)

Л и д и я. Может быть, ты позовёшь товарищей к себе?

С о м о в. Да. Пожалуйста, Иван Иванович.

Т е р е н т ь е в (пристально и удивлённо смотрит на Арсеньеву, зовёт). Борис – идём!

(Трое ушли. Яропегов остался, сидит на перилах.)

Л и д и я (звонит). Да, очень скучно! .В городе все недовольны, живут надув губы, ворчат, сплетничают на партийцев, рассказывают старые московские анекдоты.

А р с е н ь е в а. Город затхлый.

Л и д и я. И ни одной шляпы к лицу нельзя найти.

А р с е н ь е в а. А ты сама сделай.

Я р о п е г о в. Зато – легко потерять лицо.

Л и д и я. Вы зачем тут подслушиваете? Знакомьтесь: Виктор Павлович Яропегов, Екатерина Ивановна Арсеньева.

Я р о п е г о в. Весьма рад!

Л и д и я. Я – не умею делать шляп. И вообще ничего не делаю.

Я р о п е г о в. Это – лучше всего гарантирует от ошибок.

Л и д и я. Жалкая ирония. Вот вы, инженеры, делаете и всё ошибаетесь, и вся ваша деятельность – ошибка.

Я р о п е г о в. Совершенно так же думает Анна Николаевна. С её политико-эстетической точки зрения в сельском пейзаже церковь гораздо уместнее, чем фабрика.

(Дуняша – в дверях.)

Л и д и я. Кофе, Дуняша, кофе! И хлеба. Вы ужасно медленно спешите на звонки.

Д у н я ш а. Наверху была. [Уходит.]

Я р о п е г о в. Вы, я слышал, учительница?

А р с е н ь е в а. Да.

Я р о п е г о в. Совершенно не похожи.

А р с е н ь е в а. Это – порицание или комплимент?

Я р о п е г о в. Compliments говорить вам я не решаюсь, да и времени для этого много требуется.

А р с е н ь е в а. Мне приятно, что вы дорожите временем.

Л и д и я. Ты, Катя, осторожнее с ним, он отчаянный ухажёр, как теперь говорят.

(Дуняша приносит кофе.)

С о м о в (кричит). Виктор!

Я р о п е г о в. Пардон (извините (франц.) – Ред.) [Уходит.]

А р с е н ь е в а. Кто это?

Л и д и я. Приятель мужа, был женат на сестре его, овдовел. Очень талантливый, забавный, пьяница, немножко – шут, нахал и бабник. Вот, если хочешь замуж...

А р с е н ь е в а. Нет, спасибо! После такой характеристики расхотелось.

Л и д и я (смеётся). Ты удовлетворена жизнью?

А р с е н ь е в а. Нет, конечно. Я даже и не представляю, как можно быть удовлетворённой в наше время.

Л и д и я (подумав). Это ты сказала что-то серьёзное, я не понимаю!

А р с е н ь е в а. Очень просто понять. Людей, для которых жизнь была легка и приятна, – не может удовлетворить то, что она разрушается, а те, кто разрушает, – не удовлетворены, что разрушается она не так быстро, как хотелось бы.

Л и д и я. Вот какая ты стала... философка! И тебе искренне хочется, чтоб старая жизнь скорее разрушилась?

А р с е н ь е в а. Да.

Л и д и я. Как просто! Да, и – всё! Но ведь ты сказала, что не партийка?

А р с е н ь е в а. Я сочувствую работе партии.

Л и д и я (вздыхнув). Ты была такая... независимая! Не понимаю, как можно сочувствовать, когда все против партии.

А р с е н ь е в а. Все, кроме лучших рабочих. И ведь вот муж твой и его друг...

Л и д и я. Ну-у, муж!.. Он скрепя сердце, как говорится...

А р с е н ь е в а. Разве?

Л и д и я. А Яропегов, он, знаешь, едва ли вообще способен чувствовать, сочувствовать. Он такой, знаешь... пустой! Вот он – независим. Сочувствовать – значит, уже немножко любить кого-то, а любовь и независимость не соединяются, нет!

А р с е н ь е в а. Ты замени кого-то чём-то.

Л и д и я. Не понимаю! И – вообще – что случилось? Фабрики всегда строили.

А р с е н ь е в а. Строили, да – не те люди и не для того, для чего теперь строят. Вот тебе нравится независимость, но она будет возможна для одного только тогда, когда все будут независимы.

Л и д и я. Это и называется – утопия? Кстати: ты купалась?

А р с е н ь е в а. Да.

Л и д и я. Удивительно ты говоришь – да! Вот идёт Миша.

М и ш а. А, чёрт...

Л и д и я. Он всегда ругается.

М и ш а. Вовсе не всегда.

Л и д и я. Надо сказать: здравствуйте, а он говорит: чёрт!

М и ш а. Китайские церемонии! А у вас тут гвозди торчат, взяли бы молоток да забили.

Л и д и я. Не хочу забивать гвозди! Садитесь, кофе дам.

М и ш а. Не хочу. Товарищ Арсеньева...

Л и д и я. Знаешь, товарищ Арсеньева, Миша влюблён в меня.

М и ш а. Я? В вас? Ну, уж это – дудочки! Вы даже и не нравитесь мне.

Л и д и я. Серьёзно?

М и ш а. Ну, конечно!

Л и д и я. Я очень рада, если так.

М и ш а. Да уж так! А радоваться – нечему. И – неправда, что вы рады. Интеллигенты любят нравиться, всё равно кому...

Л и д и я. Вы успокоили меня, Миша!

М и ш а. Успокоил? Эх вы... Чем это я вас успокоил? И вовсе вы ничем не беспокоились. Мешаете только...

Л и д и я. Я – молчу.

А р с е н ь е в а. Вы, Миша, не в духе?

М и ш а. Да что же, товарищ Арсеньева!.. Бюрократ этот, Дроздов, доски для эстрады запретил брать на стройке, как же мы расширим эстраду? Китаев разрешил, а он – нельзя! Тоска! И тоже всё шуточки шутит, как будто интеллигент какой-нибудь.

А р с е н ь е в а. Дроздов – здесь, я поговорю с ним.

Л и д и я. Пейте кофе, Миша!

М и ш а. Ладно. То есть – спасибо! И потом к занавесу надобно два полотнища пришить, а он говорит – это пустяки! флаги истрёпанные, и мало флагов... И, говорит, вы должны действовать самообложением, а – каким чёртом мы самообложимся?

Л и д и я. Ох, Миша...

М и ш а (успокоительно). Ну, ничего! Вы сама тоже, поди-ка, здорово ругаетесь, это и по лицу видно. Без этого – не проживёшь... Мы и так за месяц утильсырья сдали на сорок семь рублей да на укреплении плотины заработали семьдесят три, так ведь на ремонт избы-читальни да по ликбезу...

(Терентьев, Дроздов, Сомов.)

Т е р е н т ь е в. Значит – так: вы едете на фабрику, я побегу взглянуть, что делают на стройке.

А р с е н ь е в а. Можно вас на пару слов?

Д р о з д о в. Всегда готов! (Идут, Миша за ними.)

С о м о в. Хотите кофе, Иван Иванович?

Т е р е н т ь е в (глядя вслед уходящим). С удовольствием. С удовольствием.

С о м о в. До свидания. (Ушёл.)

Т е р е н т ь е в. Погода-то, Лидия Петровна, а? Отличная погода!

Л и д и я. Очень хорошая погода.

Т е р е н т ь е в. Именно! Это... эта женщина - кто такая?

Л и д и я. Учительница в Селищах, подруга моя.

Т е р е н т ь е в. Та-ак. Что же это я её не видал раньше?

Л и д и я. Да она здесь только с осени и недавно воротилась из Москвы...

Т е р е н т ь е в. А вы... давно знаете её?

Л и д и я. В гимназии учились вместе.

Т е р е н т ь е в. В каком городе?

Л и д и я. В Курске.

Т е р е н т ь е в. Ага! Вот оно что!

Л и д и я, что это вас обрадовало?

Т е р е н т ь е в. Тут... случай такой! Черносотенный городок! Я был в нём при белых.

Л и д и я. Ужасные дни!

Т е р е н т ь е в. Да, на войне страшновато. Особенно - ежели отступить. Наступать - это очень легко.

А р с е н ь е в а (возвращается). Ну, Лида, мне нужно идти в село.

Т е р е н т ь е в. Погодите-ко, позвольте... то есть - извините! Ведь вы - дочь доктора Охотникова?

А р с е н ь е в а. Да. Но я вас не помню...

Т е р е н т ь е в. Ну - где же помнить! Однако это я самый лежал у вас, в квартире, в Курске, раненый...

А р с е н ь е в а. Фёдор... забыла как! Узнать вас трудно.

Т е р е н т ь е в. Ещё бы! Почти восемь лет прошло. К тому же я тогда был Степан Дедов, а настоящее имя моё Иван Терентьев. И растолстел, всё в автомобилях живу. Вот видите - встретились, а? Чёрт знает что! Учительствуете?

А р с е н ь е в а. Да.

Т е р е н т ь е в. Так. В партии?

А р с е н ь е в а. Нет.

Т е р е н т ь е в (несколько огорчён). Почему?

А р с е н ь е в а. Сразу не расскажешь.

Т е р е н т ь е в. А я думал, что вы, после того - в партию! Ваше поведение...

А р с е н ь е в а. Ну, какое же поведение!

Т е р е н т ь е в. Однако - риск!

А р с е н ь е в а. Тогда не одна я рисковала.

Т е р е н т ь е в. Нашли бы меня у вас - пуля вам или - вешалка... Ну, а отец?

А р с е н ь е в а. Его, как врача, мобилизовали белые, а на другой день какой-то пьяный офицер застрелил его...

Л и д и я. Как ты... спокойно!

Т е р е н т ь е в. Та-ак! Хороший был человек! (Лидии.) "Вы, говорит, желаете жить? Ну, так делайте что вам велят!" (Смеётся.) Вот история! И даёт рыбий жир. Противная жидкость, да и команда эдакая: делай, что велят! А я с девятнадцати лет делал чего не велят, и мне уже было двадцать семь. В тюрьме сидел, в ссылке был, бежал, работал нелегально, считал себя совсем готовым человеком. И - вдруг: делай что велят, пей рыбий жир! Положим, кроме рыбьего жира, питаться нечем было. (Арсеньевой.) Его ведь звали Иван Константинович? Что ж, Катерина Ивановна, - по всем правилам нам следует возобновить знакомство?

А р с е н ь е в а. Я - не прочь.

Т е р е н т ь е в. Чудесно! (Лидии.) Заговорили мы вас? То есть это я заговорил...

Л и д и я. Нет, что вы! Мне интересно... Хорошо встретились вы...

Т е р е н т ь е в. Хорошо? Да, бывает.

Д р о з д о в (за террасой). Катерина Ивановна - ждём! Ваня всегда с дамами.

Т е р е н т ь е в. Это - с больной головы на здоровую.

Д р о з д о в. Ты, Ваня, с Катериной Ивановной осторожно, она человек враждебный нам.

Т е р е н т ь е в. Не верю!

А р с е н ь е в а. Не нам, а - вам, товарищ Дроздов. До свидания, Лида.

Л и д и я. Ты вечером придёшь?

А р с е н ь е в а. Нет.

Л и д и я. Приходи!

А р с е н ь е в а. Не могу, дело есть. (Идёт с Дроздовым.) Так вы не забудете?

Д р о з д о в. Всегда готов служить вам.

А р с е н ь е в а. Не мне, а ликбезу. Я в услугах ваших не нуждаюсь.

Д р о з д о в. Строго.

[Арсеньева и Дроздов уходят.]

Т е р е н т ь е в (задумчиво глядя вслед им). Ну, пойду и я. До свидания.

(Лидия одна, позванивает чайной ложкой по графину с водой.)

Д у н я ш а [входит]. Лисогонов пришёл...

Л и д и я. Вы знаете, что Николай Васильевич уехал. Пусть он идёт к Анне Николаевне.

Д у н я ш а. Он вас спрашивает.

Л и д и я. Я не могу принять его.

[Входит Лисогонов.]

Д у н я ш а (усмехаясь). А он уж кругом обошёл, старый чёрт...

Л и с о г о н о в. Разрешите, уважаемая...

Л и д и я (встаёт). Что вам угодно? Я чувствую себя плохо.

Л и с о г о н о в. Все, все плохо чувствуют себя! Местность нездоровая, болото близко, – местность эта не для интеллигентных людей... Рабочие, конечно...

Л и д и я. Вы именно ко мне, да?

Л и с о г о н о в. Именно-с! Вот вы на спектакле сожаление выразили, что теперь нельзя достать кружев старинных. Действуя по симпатии, всё можно достать! И вот-с мамы моей кружева желал бы преподнести...

Л и д и я. Простите, я должна... распорядиться... [Уходит]

Л и с о г о н о в (прячет кружева, ворчит). Дура, дура... (Надулся, покраснел.)

(Анна Сомова, Титова.)

А н н а. Здравствуйте, Евтихий Антонович!

Л и с о г о н о в. Нижайшее почтение!

Т и т о в а. Чего в карман прячешь, Евтихий, человек тихий?

Л и с о г о н о в. Платок.

Т и т о в а. Двадцать лет человека знаю и – хоть бы что! замариновался, как гриб в уксусе.

Л и с о г о н о в. В слезах замариновался.

Т и т о в а. Чужих слёз ты много пролил, это известно!

Л и с о г о н о в. Любишь ты, Марья Ивановна, насмешки...

Т и т о в а. А что мне любить осталось?

А н н а. Лидия сказала – кружева продаёте?

Л и с о г о н о в. Я? Нет. То есть я хотел... но могу и продать.

А н н а (рассматривает кружева). Русские...

Л и с о г о н о в. Не знаю-с. (Титовой.) Нам, обойдённым людям, смеяться друг над другом не следовало бы.

Т и т о в а. Разве я со зла смеюсь? Я – от удивления. Гляжу вот на тебя, сома, и – смешно: как это сом допустил, что ерши на сухое место загнали его и стал он ни рыба, ни свинья?

А н н а. Марья Ивановна грубовато говорит, такая у неё манера, а говорит она всегда умно.

Л и с о г о н о в. За это, за ум и прощается ей...

Т и т о в а (рисуюсь). И на пролетариев смотрю – удивляюсь! Ах ты, думаю, пролетариат, пролетариат, и куда ты, пролетариат, лезешь?

Л и с о г о н о в. Н-да... Величайшие умы и силы, от Христа до Столыпина, пробовали жизнь по-новому устроить...

А н н а. Надолго испортили жизнь.

Т и т о в а. А, бывало, придёшь к частному приставу, дашь ему кусочек денег, скажешь: "Ах, какой вы чудный!" Верит, идиот, и способствует.

А н н а. В полиции офицера гвардии служили...

Л и с о г о н о в. И все были сыты...

Т и т о в а. И везде, на всех видных местах, благожелательные идиоты сидели...

А н н а (обиженно). Но – почему же идиоты?

Т и т о в а. Так уж теперь считают их, а они, конечно, просто благожелательные были. Я хорошо людей знаю, у меня ведь магазин модный был и отделеннице наверху для маленьких удовольствий. Посещали меня всё богачи да кокоточки, генералы да ренегаты...

А н н а. Позвольте, – какие ренегаты?

Т и т о в а. Ну, эти... как их? Деренегаты.

А н н а. Дегенераты?

Т и т о в а. Вот, вот! Попросту – выродки...

А н н а. Смешная вы.

Т и т о в а. Я – добрая, я никого не хаю, все люди кушать хотят и удовольствия немножко.

Л и с о г о н о в. И уж не так жадны, брать – брали, да – не всё! А поглядите, до чего теперь жадно стали жить!

А н н а. Да, да! Всякую дрянь собирают, какое-то утильсырьё, это в России-то! Какой стыд перед Европой!

Т и т о в а. А что им Европа? Они вон мордву грамоте научили...

(Дуняша – выглянула с половой щёткой в руке.)

А н н а. Пойдёмте в лес, посидим там.

Т и т о в а.

На песочке, над рекой,

Где приволье и покой.

Л и с о г о н о в. Земля у нас золотом плюётся, так сказать...

А н н а. Как ваши дела?

Л и с о г о н о в. Да – что же? Вокруг – строятся, а мой заводик стоит, как был. Случится что-нибудь... переворот жизни, например, – у всех прибыло, всем – пристроено, а я окажусь, как есть, в нищих...

Т и т о в а. Врёшь, Евтихий! Деньжонки у тебя есть...

Л и с о г о н о в. Какие? Где?

Т и т о в а. Золотые. Спрятаны.

А н н а. Сколько же вы хотите за кружево?

Л и с о г о н о в. Да... как сказать? Кружево редкое.

(Ушли. Дуняша вышла, убирает со стола, напевая. Метёт.)

[Входит Фёкла.]

Ф ё к л а. Ты что это, Дунька, замёрзла? Скоро час, а у тебя не убрано.

Д у н я ш а. Не хулигань, старуха! Вон тараканы-то, только что выползли отсюда.

Ф ё к л а. Титова-то бо-огатая была! Дом свиданий держала в Москве.

Д у н я ш а. Это что за дом?

Ф ё к л а. Вроде публичного для замужних.

Д у н я ш а. Старик тут о перевороте говорил.

Ф ё к л а. А о чём ему говорить? Они все тут кругом только об этом и говорят. (Взяла два куска сахара.) Без стыда, без страха. Вон они уселись, три мухомора.

Д у н я ш а. Ты бы сахар-то не брала.

Ф ё к л а. Ничего, я - не себе, а ребятишкам сторожа. (Смотрит в деревья.) Ты на кого сердисься?

Д у н я ш а. Рабочая, крестьянская власть, а господа остались, - вот на кого.

Ф ё к л а. Не сердись, они - старенькие, помрут скоро! Глупые. В старости надобно бы хорошо жить, в старости - ни жарко ни холодно, ничему не завидно.

Д у н я ш а. Замолола!

Ф ё к л а. Верно говорю! В молодости живёшь - беспокоишься в кого влюбиться да - как -нарядиться, я вот всё это исполняла, да дурочкой и осталась. (Дуняша ушла, Фёкла, позевнув, дремлет.) А скоро мне, Феклуше, каюк! Вот эдак-то и с тобой будет, Дунька... Значит - учись! Все учатся... гляди-ко! Не будешь учиться, - проживёшь как мышь... в погребе...

(Лидия, Богомоллов [выходят] из комнат.)

Л и д и я (Фёкле). Вы что тут делаете?

Ф ё к л а. Помогаю Дуняшке.

Л и д и я. А там дверь открыть некому...

Ф ё к л а (уходя). Дверь открыть - просто.

Л и д и я (Богомоллову). Прислуга совершенно несносна.

Б о г о м о л л о в. Да, рассуждает. Все, знаете, рассуждают. Мы работаем. Работаем и получаем за это возмездие, например, в форме шахтинского процесса, понимаете...

Л и д и я. Яропегов говорит, что в этом случае инженеры действительно шалили.

Б о г о м о л л о в. Он это говорил? Кому?

Л и д и я. Мне.

Б о г о м о л л о в. Шалили?

Л и д и я. Да.

Б о г о м о л л о в. Это он... посмешить вас хотел! Он вообще... любит шуточки, словечки.

Л и д и я. Кажется, - Николай едет.

Б о г о м о л л о в. Да, да, он! Яропегов, эдакий, понимаете, вроде старинного нигилиста. Ни в чох ни в сон - не верит. Ну и мы ему верить не должны, так?

[Входит Сомов.]

С о м о в. Извините, Яков Антонович, – опоздал!

Б о г о м о л о в. По-ожалуйста!

С о м о в. Завтракаем, Лида?

Л и д и я. Всё готово...

С о м о в. Прошу к столу! А где мать?

Л и д и я. Идёт.

С о м о в. Водочки?

Б о г о м о л о в. Водку хорошо пить с Яропеговым, – да вот и он! Здравствуйте, дорогой!

[Входит Яропегов.]

Я р о п е г о в. Моё почтение.

Б о г о м о л о в. Я вот только что, знаете, сказал, что вы, умея вносить во всякое дело остроту, эдакую, понимаете... лёгкость...

Я р о п е г о в. Водку пью легко?

Б о г о м о л о в, Что и делает её приятней. Даже, знаете, некролог Садовникова вы написали несколько...

Я р о п е г о в. Покойников некрологи не интересуют.

Б о г о м о л о в (смеётся). Да ведь некрологи – то не для лих и пишутся, а – для нас.

А н н а [входит]. Здравствуйте, Яков Антонович!

Б о г о м о л о в. Моё почтение, уважаемая.

А н н а. Ф-фу! Посмотрели бы вы на реке – ужас! Мужчины, женщины, совершенно голые...

Б о г о м о л о в. Да, да! Как в раю...

А н н а. Как в аду... это – вернее!

С о м о в (подвигая стул матери). Садись, мама!

Б о г о м о л о в. Эх, замечательная водка была в наше время!

ВТОРОЙ АКТ

У Терентьева. Тоже новенькая дача с небольшой террасой, на террасу выходит дверь и два окна; с неё до земли четыре ступени. Сад: четыре молодые ёлки, они – полузасохли; под каждой – клумба для цветов, но цветов нет, клумбы заросли травой. Две окрашенные в зелёную краску скамьи со спинками. У забора – кегельбан, начинается он небольшим помещением, в котором стоит койка, стол, два стула. В двери и окнах мелькает фигура Л ю д м и л ы , племянницы Терентьева. На террасе играют в шахматы К и т а е в и С е м и к о в.

К и т а е в. Не видишь? Шах королеве!

С е м и к о в. Ах ты... Скажи пожалуйста!

К и т а е в. Тебе, Семиков, на шарманке играть, а не в шахматы.

Сомов и другие. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

С е м и к о в. Не Семиков, а Семи-оков! В "Известиях" напечатано о перемене фамилии. Семик – языческий праздник, суеверие, – понял?

К и т а е в. А ты – играй, двигай!

С е м и к о в. Вот я и вставил оник: Семи-о-ков! Пустой кружочек, а облагораживает.

К и т а е в. Да ты – играй! Ну, куда полез? Шах королю!

С е м и к о в. Какой несчастный случай!

К и т а е в. Ну тебя к чертям! Неинтересно с тобой.

(Закуривает. Вышла Людмила, взяла стул, ушла. Оба смотрят вслед ей, потом друг на друга. Семиков складывает шахматы в ящик. Доносится пение скрипки.)

С е м и к о в. И под стихами приятно подписать: Се-ми-оков.

К и т а е в. А всё-таки как ловко ни играй на скрипке, – гармонь преобладает её.

С е м и к о в. Теперь стихи легко у меня текут.

К и т а е в. Как слюни. Я, брат, творчество твоё – не люблю, жидковато оно.

С е м и к о в. Ты не понимаешь, а Троеруков...

К и т а е в. Он тебя хвалит, потому что – запуганный интеллигент. Хотя – башковатая личность... Правильно говорит: конечно, говорит, существует масса, но – без героев история прекращается. Это – верно: ежели я себя не чувствую героем, так меня вроде как и нет совсем. Тут можно дать такой пример: построили судно, так допустите его плавать, а ежели оно всё на якоре стоит, – так на кой чёрт его нужно?

С е м и к о в. Да, это верно!

К и т а е в. Или пошлют человека в болото – плавай! А – куда по болоту поплывёшь? Вот, примерно, я...

Л ю д м и л а. Китаев, ну-ка поди сюда, помоги.

[Китаев уходит.]

(Семиков вынул книжку из кармана, читает, шевелит губами.)

[Входит Миша.]

М и ш а. Ты чего тут делаешь?

С е м и к о в. В шахматы играл.

М и ш а. Спевка – здесь, в семь?

С е м и к о в. Да.

М и ш а. Арсеньеву – не видал?

С е м и к о в. Была, занавес чинить ушла.

М и ш а. Стихи читать будешь?

С е м и к о в. Могу.

М и ш а. Старые?

(Людмила в дверях.)

С е м и к о в. Нет, вчера написал:

Года за годами бегут,

А людям жить всё трудней,

И я понять не могу

Бешеный бег наших дней.

Куда они мчатся, куда?

М и ш а. Ну, ты это брось! Кому интересно, чего ты не понимаешь?

Л ю д м и л а. Как это, Ванечка, в башке у тебя заводятся такие скушные слова? Пахинида какая-то...

С е м и к о в. Говорят - "панихида", а не "пахинида".

Л ю д м и л а. Ну - ладно, сойдёт и пахинида! Сбегай-ко в клуб, там, наверное, дядя, скажи - обед давно готов. И Арсеньеву зови, если она там... (Семиков обижен, уходит. Людмила садится на стул.) Знаешь, как Саша Осипов прозвал его? Стихокрад; он, говорит, чужие стихи ворует, жуёт их и отрыгает жвачку, как телёнок. Ой, Мишка, надоело мне хозяйничать! Учиться хочу, а как быть? Уговариваю дядю - женился бы! А я - в Москву, учиться! Ежели здесь останусь - замуж выскочу, как из окна в крапиву.

М и ш а (солидно). Замуж тебе - рано!

Л ю д м и л а. Много ты понимаешь в этом! Не бойся, за тебя не пойду.

М и ш а. Да я бы и не взял эдакую...

Л ю д м и л а. Ох, ты... барашек! Нет, серьёзно, Мишка, ты - умный, ты послушай: дядю оставить на чужого человека - тоже не годится, работает он, как пятеро хороших, пить-есть ему - некогда, обшить, обмыть его - некому, о себе подумать - не умеет.

М и ш а. Ты с Арсеньевой посоветуйся...

Л ю д м и л а. Советовалась. Она решает просто - учиться! А мне дядю-то жалко, он меня на ноги поставил. Начала от скуки цветы сажать. Ну, - люди из сил выбиваются, а я - цветочки поливаю. Стыдно.

М и ш а. Да уж... Смешновато.

Л ю д м и л а. Костю Осипова не видал?

М и ш а. Нет. Не понимаю, где он увяз? Третьего дня пошёл в Селище, в сельсовет...

[Арсеньева входит.]

А р с е н ь е в а. А я вас ищу, Миша! Вот вам парусина, краска, кисти, лозунги ликбеза, идите-ка, намалюйте их поскорее, получше.

М и ш а. Дело знакомое. Людка, у тебя - можно?

Л ю д м и л а. Иди, только не очень пачкай там.

М и ш а. Ладно. Буду - не очень.

А р с е н ь е в а. Почему у тебя мордочка скучная?

Л ю д м и л а. Всё потому же...

А р с е н ь е в а. Слушай-ка, у Сомовых работает кухарка.

Л ю д м и л а. Знаю, Фёкла, забавная старуха...

А р с е н ь е в а. Не нравится ей там. Вот, давай пристроим её к дяде. Человек она хороший, честный и неглупа.

Л ю д м и л а. Поговорить бы с ней. Кто это?

(Крыжов идёт, осматриваясь.)

Л ю д м и л а. Вам кого, дедушка?

К р ы ж о в. Иван Терентьев здесь живёт?

Л ю д м и л а. Здесь.

К р ы ж о в. Ну вот, я к нему. Дочь, что ли?

Л ю д м и л а. Племянница.

К р ы ж о в. А это – жена?

Л ю д м и л а. Нет ещё.

К р ы ж о в. Невеста, значит.

Л ю д м и л а. Тоже нет.

А р с е н ь е в а. Знакомая, в гости пришла.

К р ы ж о в. Ну, это ваше дело! Умыться бы мне, девушка, да – испить водицы, а? Запылился старик.

Л ю д м и л а. Идите сюда.

([Людмила и Крыжов уходят.] Арсеньева идёт в кегельбан, садится к столу, развязывает узел, в нём – потрёпанные флаги, щёлкает ножницами, начинает шить. Идут Дроздов, Терентьев.)

Д р о з д о в (угрюмо). Есть песок в машине, есть!

Т е р е н т ь е в. Старые рабочие очень замечают это.

Д р о з д о в. А откуда песок сыплется – непонятно.

Т е р е н т ь е в. Вот, сегодня должен бы старик один придти, могу сказать, – учитель мой...

А р с е н ь е в а. Он уже пришёл.

Т е р е н т ь е в. Ага, Катерина Ивановна! Рад.

Д р о з д о в. Я тоже рад.

Т е р е н т ь е в. Он – в горницах, старик?

А р с е н ь е в а. Да.

[Терентьев уходит.]

Д р о з д о в. Мы с вами, Катерина Ивановна, встречаемся всегда в хорошие дни.

А р с е н ь е в а. Это вы – о погоде?

Д р о з д о в. О ней. Не помню, чтобы встречал вас в дождь, в пасмурный день!

А р с е н ь е в а. Редко встречаемся мы.

Д р о з д о в. Значит – надобно встречаться чаще, – верно?

А р с е н ь е в а (смеясь). Ловкий вы...

Д р о з д о в. Ничего, парнишка – не промах! И всегда, встречая вас, я чувствую...

А р с е н ь е в а. Зависимость погоды от моей личности, да?

Д р о з д о в. Вот – именно! Благодарить вас хочется.

А р с е н ь е в а. Не беспокойтесь.

Д р о з д о в. Даже – поцеловать готов.

А р с е н ь е в а. А я к этому не готова.

Д р о з д о в. Приготовьтесь.

(На террасу вышел Терентьев с куском хлеба в руках, стоит, прислушивается, хмурясь, пятится в дверь.)

А р с е н ь е в а. Вам не кажется, что вы немножко нахал?

Д р о з д о в. Нет, не кажется! Есть песенка:

Ты, говорит, нахал, говорит,

Каких, говорит, немало...

А р с е н ь е в а. Не продолжайте, дальше – неверно!

(Терентьев исчез.)

Д р о з д о в.

Но, говорит, люблю, говорит,

Тебя, говорит, нахала...

А р с е н ь е в а. Борис Ефимович! Вы бы попробовали отнестись ко мне серьезно, а?

Д р о з д о в. Вы – обиделись?

А р с е н ь е в а. Попробуйте! Может быть, это будет более достойно и вас и меня.

Д р о з д о в. Не сердитесь, не надо! Честное слово... у меня к вам большая симпатия! Работница вы у нас – что надо! А если я шучу...

А р с е н ь е в а. Шутить надобно умеючи, не надоедая. Вы, кажется, у Яропегова шутить учитесь?

Д р о з д о в. Почему – у Яропегова?

А р с е н ь е в а. Не идёт это к вам. Человек вы, я знаю, не плохой...

Д р о з д о в (серьёзно). А – чем плох Яропегов?

(Идут Терентьев, Крыжов, за ними Людмила.)

Л ю д м и л а. Товарищ дядя! Скажи толком – обедать-то будем?

Т е р е н т ь е в. Отстань! Мы с Борисом закусили, Крыжов – не хочет. Погоди, ещё двое придут...

Л ю д м и л а. Что ж ты не сказал мне? Ведь не хватит.

Т е р е н т ь е в. Иди к чертям, Людмила! Борис...

Крыжов. Порядка-то у вас нет?

Терентьев. Ну-ко вот послушай, Борис... Давайте, на солнышко.

(Арсеньева собирает флаги, хочет уйти.)

Терентьев (сухо). Вы не мешаете нам.

Людмила (Арсеньевой). Давай помогу.

Крыжов (набивая трубку). История, братья-товарищи, такая: приехала к нам, на завод, компания, чтобы, значит, реконструировать, расширить и так и дальше. Завод действительно заслужил этого, ещё до революции износился, и подлечить его давно следовало; мы, старье, три года этого, как милостыню, просили. Ну, началась работка! Двигается всё туда-сюда, не торопясь, того - нет, того - не хватает. Командовал старик, моих лет, а раньше - Богомоллов приезжал, тоже старик.

Дроздов. Яков Антонов?

Крыжов. Кто это?

Дроздов. Богомоллов-то?

Крыжов. Не знаю. Детали рассказывать - не буду, а прямо скажу: устроили так, что раньше болванка из кузницы ко мне шла четыре часа, а наладили дело - идёт семь часов. И так и дальше всё. У меня - записано. Я и говорю старикам: как будто чего-то неладно вышло, братья-товарищи? Видим, говорят, однако - может, так и надо.

(Китаев на террасе, мрачно жуёт что-то.)

Крыжов. Всё-таки решили поговорить с директором, он у нас литейщик с Лысьвенского завода, партизан, красным командиром был, по армии скучает. "Вот, говорим, Демид, брат-товарищ, какие штуковины наблюдаются". - "Вы, говорит, старики, неправильно считаете, и вообще, говорит, специалист, как паук, своё дело знает". И так и дальше. Успокоил.

(Китаев ушёл, потом вынес бутылку пива, сел, пьёт. Постепенно начинает вслушиваться в рассказ, встаёт, подходит к скамье. Людмила шьёт, тихонько напевая, Арсеньева, не переставая шить, внимательно слушает.)

Крыжов. Успокоил, ну - не меня! Я, погодя немного, в завком. Там - тоже успокаивают. Ну, тут я поругался, эх, говорю, братья-товарищи, так вас и разэдак. Н-да. Погорячился. Какие, говорю, вы хозяева? И так и дальше. Вызывают в ГПУ, там у нас хороший парень сидит, однако и он тоже: "Ты, говорит, товарищ, разлад в работу вносишь!" А молодёжь начала и высмеивать меня. В стенгазету попал: склочник, бузотёр. Н-да. Только рабкор один, комсомолец Костюшка Вязлов, на моей стороне, ну - ему веры нет, он у меня на квартире живёт. Даже внука моя, тоже комсомолка, и та - против. Ну, ладно! Однако я всё считаю, записываю и вижу - нет, моя правда: нехорошо сделано! Стало так туго мне, что огорчился, выпивать начал. Девятнадцать лет сверлил, тридцать четыре на заводе, всё знаю лучше, чем дома у себя. Понял, что дело моё - плохо, пожалуй, и пить привыкну на старости лет. Ну и решил, скрепя сердце рассчитался и - в Москву! Вдруг тебя, Иван, вижу на станции. И вот я вам, братья-товарищи, прямо говорю: там дело нечисто, повреждённое дело! У меня кетрадка есть, в ней сосчитано всё, все часы, вся волокита...

Дроздов. Можно взглянуть?

Крыжов. На то и писано, чтоб читали. Разберёшь ли? Писатель я не Демьян... победнее его буду...

Дроздов. Разберу.

Крыжов (Арсеньевой). Ты что глядишь на меня? Понравился?

А р с е н ь е в а. Очень.

К р ы ж о в (толкая Терентьева локтем). Слыхал? Хо-хо! Вон оно что! У меня дочь старше тебя, только – дурой выросла. Ребят – родит, а – больше ничего не умеет. Вот внука, так эта – что надо! В Свердловск поехала, учиться. Ты – партийка?

А р с е н ь е в а. Нет.

К р ы ж о в. А чего делаешь?

А р с е н ь е в а. Ребят учу.

Д р о з д о в. Иван!

К р ы ж о в. Вам, молодым, надобно в партию записываться, круче дела-то погибать. Я вот ехал сюда – горой, водой, лесом, парусом, – как говорится, гляжу: тут – строят, там – строят, инде – выстроили, ух ты, мать честная! Бойко взялись за дело, крепко! Конечно, я и по докладам, по газетам знал, ну, а когда своим глазом видишь, это уж другой номер!

(Дроздов и Терентьев, сидя на другой скамье, рассматривают книжку.)

Т е р е н ь т ь е в. Склочником он не был.

Д р о з д о в. Да, не похож! А цифры – нехорошо поют.

К и т а е в. А ты – в партии?

К р ы ж о в. Я – нет. Мне – не надо, я и без того – природный пролетар. До Октября, до Ленина, я даже и понимать не хотел партию. Думал так это, молодёжь языки чешет. И дело у меня – строгое, требует всех сил. А заседать я – не мастер, да и грамотой не богат. Года три тому назад хотели меня в герои труда произвести, ну – я чинов-званий не любитель, упросил, чтобы не трогали.

К и т а е в. Это – напрасно! Коллектив знает, что делает, ему герой нужен...

К р ы ж о в. Герой, голова с дырой...

Д р о з д о в. Видишь?

(Терентьев молча кивает головой.)

Д р о з д о в. Зови-ко его в комнаты.

К и т а е в. Куда же ты едешь?

К р ы ж о в. Вот сюда приехал.

Л ю д м и л а. Что же обедать – завтра будем? Никто не идёт.

Т е р е н ь т ь е в. Отвяжись! Подь-ка сюда, Крыжов.

К р ы ж о в (идя). Порядка у тебя, видать, нет насчёт обеда-то? Остался ты, видно, как был, – беспорядочный, а? (Хлопает Терентьева ладонью по спине.) Приятно мне, что встретились!

Л ю д м и л а (около Арсеньевой). Бестолочь какая! И так – почти каждый день.

А р с е н ь е в а. Какой интересный старик!

Л ю д м и л а. Молодые – интереснее. Дроздов, например, а? Замечаешь, как он присматривается к тебе?

А р с е н ь е в а. У него такая служба...

Л ю д м и л а. Обыкновенная – мужская. А мне инженер нравится.

А р с е н ь е в а. Который?

Л ю д м и л а. Яропегов, конечно! Он в клубе читал лекцию по истории земли, по металлам, – интересно! Весёлый, чёрт!

А р с е н ь е в а. Что ж он – ухаживает за тобой?

Л ю д м и л а. Заговаривает. Смешит. Я – люблю весёлых!

А р с е н ь е в а. Ты бы лучше со своим с кем-нибудь веселилась.

Л ю д м и л а (вздыхая). Свои, свои... Вон Китаев просит записаться с ним.

А р с е н ь е в а. Неприятный парень.

Д р о з д о в (с террасы). Катерина Ивановна! Можно вас на минутку?

(Арсеньева идёт.)

Д р о з д о в. Помогите нам расчётец сделать – ладно? Папироску хотите?

А р с е н ь е в а. Не курю. Бросила.

Д р о з д о в. Отчего?

А р с е н ь е в а. Ребятам дурной пример.

Д р о з д о в. Резонно.

(Ушли. Людмила шьёт.)

К и т а е в. Скушно по воскресеньям!

Л ю д м и л а. Тебе и в будни скучно.

К и т а е в. Так – как же? Сходим, запишемся, а?

Л ю д м и л а. От скуки?

К и т а е в. Зачем – от скуки? От любви.

Л ю д м и л а. У тебя на пиджаке – капуста.

К и т а е в. Капусту я не ел.

Л ю д м и л а. Ну, тогда что-нибудь из носу.

К и т а е в. Ты очень грубая барышня.

Л ю д м и л а. Вот видишь! А приглашаешь меня в загс.

(Силантьев стоит за углом террасы.)

К и т а е в. Потому что влюбился. От любви и скучаю.

Л ю д м и л а. А что чувствуют, когда влюбляются?

К и т а е в. Это – в зависимости от девушки.

Л ю д м и л а. Всё-таки?

К и т а е в. Ну... примерно, как в опере "Деймон" – желаю видеть вечной подругой жизни...

Л ю д м и л а. А – она?

К и т а е в. Она, конечно, смеётся. Любовь – дело весёлое, игристое дело!

Л ю д м и л а. Ух, какой ты глупый, даже страшно!.. (Убежала.)

С и л а н т ь е в [входит]. Здравствуйте, товарищ Китаев! Я – к вам.

К и т а е в. Ну?

С и л а н т ь е в. Доски у меня взяли, те самые...

К и т а е в. Кто взял?

С и л а н т ь е в. Мишка-комсомол.

К и т а е в. Так просто – пришёл и взял?

С и л а н т ь е в. Нет, конечно, за деньги, только он платить стесняется.

К и т а е в. Почему?

С и л а н т ь е в. Нету денег у него, погоди, говорит! А мне нужно, я – бедный человек...

К и т а е в. Ты – не человек, а кулак.

С и л а н т ь е в. Какой же я кулак? У кулака пальцы сжаты, а у меня вот они – растопырены, потому – держать мне нечего.

К и т а е в. От тебя водкой пахнет.

С и л а н т ь е в. Ну, так что? Водку и немец пьёт.

К и т а е в. Немец – пиво! У тебя в кармане бутылка.

С и л а н т ь е в. Она мне не мешает.

К и т а е в. Ну, ступай! Доски меня не касаются.

С и л а н т ь е в. Так ведь вы заведуете клубом и всем этим... устройством. Ведь я вам за них...

К и т а е в. Ступай, ступай! Доски получишь... Водку пьёте, черти...

С и л а н т ь е в. Эх, трудно с вами, товарищи! Не деловой вы народ! (Уходит.)

(Троеруков навстречу; мимоходом – перешёптываются. Крыжов вышел с бутылкой нарзана, прошёл в кегельбан, прилёг на койку, курит.)

К и т а е в. Устал, старик?

К р ы ж о в. Есть немножко.

К и т а е в. Что там у вас, – вредители работают?

(Крыжов не отвечает.)

К и т а е в. Много вокруг нас чужого народа.

К р ы ж о в. Выметем.

(Троеруков смотрит на часы, щёлкнул крышкой.)

К и т а е в. А, учитель! Ты – что?

Т р о е р у к о в. Спевка у меня.

К и т а е в. Почему – здесь?

Т р о е р у к о в. Эстрада не готова.

К и т а е в (щёлкнув пальцем по бутылке нарзана). Аш два о! – Вода, значит.

Сомов и другие. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
(Отводит Троерукова в сторону.) Стишки мои прочитал?

Т р о е р у к о в. Как же...

К и т а е в. Ну - что?

Т р о е р у к о в. Правду сказать?

К и т а е в. Обязательно!

Т р о е р у к о в. Стишки -дрянь, но - от души.

К и т а е в. То есть - как это?

Т р о е р у к о в. Очень просто, вы - не обижайтесь, товарищ Христофор. По форме они - дрянь, но по искренности - неплохи.

(Китаев мычит.)

Т р о е р у к о в. Видите ли: одно дело слова, другое - мелодия. Мелодия - подлинная песня души, то есть -самое настоящее, самая глубокая правда человека, - ваша правда...

К и т а е в. Угу! Да...

Т р о е р у к о в (оглядываясь, вполголоса). Например "Интернационал" можно петь церковно, на третий глас, на шестой. (Поёт.)

Отречёмся от старого мира.

К и т а е в (удивлён). Ах, чёрт! В самом деле. Это - смешно...

Т р о е р у к о в. И многие, когда поют "Интернационал", так не отрекаются от старого мира, а призывают к воскресению его; новый-то им уже надоел, понимаете...

К и т а е в. Верно! Поют некоторые! Ах ты, щучий сын! Замечаешь!

Т р о е р у к о в. Теперь, возвращаясь к вашим стишкам...

К и т а е в. Ты смотри, никому не говори, что я сочиняю!

Т р о е р у к о в. Я - помню! Ни-ни, никому! Так вот, стишки... В чём их недостаток? В том, товарищ Христофор, что вы взяли не за своё дело. По натуре вашей, вы - разрушитель, вам разрушать надо, а вы - строите и воспеваете стройку, казённое, не ваше дело. Поэтому слова не совпадают у вас с мелодией души, с настоящей вашей правдой, - вашей! Понимаете?

К и т а е в. Верно! Ей-богу, это - верно! Ах, чёрт! Действительно... Я и сам чувствую - не идёт у меня! Не то пишу!

Т р о е р у к о в. Вот видите!

К и т а е в (воодушевляясь). Ты - сам посуди: я - кто? Боец! Партизан. Я в армию пошёл, потому что - конюх, смолоду лошадей люблю, скакать люблю. У меня - натура есть, понимаешь! А меня мотали, мотали да - вот, наблюдай, как посёлок строят!

Т р о е р у к о в. Ну да!

К и т а е в. Я, бывало... Да я... поголовно истреблял... как собака тараканов! Хлеба не давать? Так я ж их поголовно! Как в сказке: ахну, и нет ничего, только пыль, брызги и сапоги! Вы - кто? Помещики, дворянство, буржуазия или просто - люди? Да я вас так, что от всей вашей массы только одни уши останутся... А теперь вот...

Т р о е р у к о в. Время не для вас, не для героев!

К и т а е в. Понимаешь? Теперь я - кто?

Д р о з д о в (вышел на террасу, оглянулся, идёт в сторону Крыжова, мимоходом).
В самом деле, товарищ Китаев, вспомни-ко, – кто ты...

К и т а е в. Я помню!

Д р о з д о в. Не забывай. (Троерукову.) Вы что тут?

Т р о е р у к о в. Спевка будет здесь.

(Китаев и Троеруков скрываются за углом дачи. Дроздов, посмотрев на Крыжова, идёт к террасе. Встречу ему Терентьев.)

Т е р е н т ь е в. Ну, что он?

Д р о з д о в. Спит.

Т е р е н т ь е в. Значит: решили – завтра в Москву его?

Д р о з д о в. Ну да. Ты Китаева хорошо знаешь?

Т е р е н т ь е в. Вовсе не знаю. Он сюда недавно прислан.

Д р о з д о в. Дурак он, кажется.

Т е р е н т ь е в. А что?

Д р о з д о в. Чего он возится с этим учителем пения?

Т е р е н т ь е в. Учитель-то, похоже, полуумный. Кстати, Дроздов, ты за Арсеньевой ухаживаешь...

Д р о з д о в. А кому это вредно?

Т е р е н т ь е в. Ты ведь это так, для развлечения...

Д р о з д о в (усмехнулся, напевает).

Эх ты, моя белая,

что ты со мной сделала?

Т е р е н т ь е в. погоди, я – серьёзно! Она мне вроде как бы жизнь спасла...

Д р о з д о в. Рассказывал ты. Тогда они ещё плохо понимали нас, потому, изредка, и спасали. Если ты серьёзно, так – гляди, не ошибись...

Т е р е н т ь е в. Я, брат, года три бредил о ней... даже вот не женился. Может быть, это достойно смеха... Ты, конечно, моложе меня, красивый.

Д р о з д о в. Ну, ладно...

Т е р е н т ь е в. Так что... вот! Понимаешь эту штуку?

Д р о з д о в. Ладно, понял. Человек она как будто хороший, работница на все руки...

Т е р е н т ь е в. Образованная.

Д р о з д о в. Всё это так! Но не нравится мне приятель её, этот учитель пения, малосольная морда.

Т е р е н т ь е в. Он ей – не приятель, и говорит она о нём нехорошо.

Д р о з д о в. А что – нехорошо?

Т е р е н т ь е в. Ты лучше сам спроси её.

Д р о з д о в. Мы живём среди хитрого народа, словам надо верить осторожно.

(Людмила вышла, ставит на стол две бутылки пива, стаканы.)

Л ю д м и л а. Вы что же – откупорили бутылки, а – не пьёте? Испортится.

Т е р е н т ь е в. Это – да!

Д р о з д о в. Вчера у Сомова был большой буржуазный выпивон и разъедон. Жена его, эдакая – просят руками не трогать – в платье сопливенького цвета. Какая-то толстуха в красном... как мясная туша. Троеруков на скрипке пилил, рояль балабонила. Я шёл мимо около полуночи, эх, думаю...

Т е р е н т ь е в. Пускай веселятся, лишь бы честно работали...

Д р о з д о в. Честно! Сие последнее есть самое главное, как говорил один товарищ у нас в кружке... лет пятнадцать тому назад...

Т е р е н т ь е в. Тебе – сколько?

Д р о з д о в. Тридцать три. Шахтинский процесс...

[Входит Миша.]

М и ш а. Товарищ Дроздов, – за Селищами раненого нашли...

Л ю д м и л а. Сашу Осипова?

М и ш а. | Неизвестно ещё...

Д р о з д о в. | Почему ты думаешь, что Осипова?

Л ю д м и л а. Он говорил мне, что грозят избить его...

Д р о з д о в. Кто?

Л ю д м и л а. Да – не знаю я!

Д р о з д о в. Ну, надо ехать...

Л ю д м и л а. Наверно, наверно, Сашу Осипова...

Т е р е н т ь е в. Не кричи! Ещё не установлено.

Л ю д м и л а. У вас – всё не установлено! И кто клуб поджигал, и кто Маше Валовой голову проломил.

М и ш а. Я – с вами, товарищ Дроздов, – можно?

К и т а е в (идёт). Почему шум?

Л ю д м и л а. Осипова Сашу избил.

К и т а е в. Хулиганил, наверно...

Л ю д м и л а. Врёте!

(Крыжов проснулся, слушает, набивая трубку.)

К и т а е в. Почему – вру?

Л ю д м и л а. Он про вас в стенгазете писал, вот почему!

К и т а е в. Кто под пулями гулял, тому стенгазета – муха!

К р ы ж о в. Убили кого-то?

Т е р е н т ь е в. Рабкора ранили.

Крыжов. Эта мода и у нас есть. У нас сразу видно: кто рабкора считает врагом, доносчиком – значит, это чужой человек, не наш.

Людмила. Ай, как хочется мне туда!

Крыжов. На покойника поглядеть?

Людмила. Да – не покойник...

Крыжов (с упрямством старика). В покойнике ничего интересного нету. (Китаеву.) Дремал я тут, слышал, экую чепуху городил ты, парень!

Китаев. Ты – стар, тебе моих мыслей не понять!

Крыжов. Где понять! Глупость – трудно понять. А этот, который с тобой балагурил, – поп, что ли?

Китаев (отходит). Не любишь молодых-то?

Крыжов. Зачем? Молод да умён – два уголья в нём. Осердился. Вот теперь, отдохнув, я бы поел...

Терентьев. Идём.

Людмила. Ну вот, нашли время...

(Уходят. Китаев пьёт пиво. Появляется Троеруков.)

Троеруков. Опаздывают певцы.

Китаев. Придут. Петь – не работать, придут!

Троеруков. Вы, товарищ Китаев, шофёром были?

Китаев. Кто тебе сказал?

Троеруков. Не помню.

Китаев. Ну, а если – был, так – что?

Троеруков. Правда, что шофёр так может срезать человека крылышком автомобиля, что никто не заметит?

Китаев (пристально разглядывая его). И человек этот – не заметит?

Троеруков. О нём – речи нет.

Китаев. Так. А... зачем ты спрашиваешь?

Троеруков. Чтобы знать. Меня ловкость интересует. И – не верю, что это можно сделать безнаказанно.

Китаев (не сразу). Ты – чему учишь? Петь?

Троеруков. Да.

Китаев. Ну и – учи! Автомобиль тебя не касается.

Троеруков. И – хорошо! А то – коснётся крылышком, и – нет меня!

Китаев (смотрит на него). Это... какая же мелодия в башке у тебя?

Троеруков. Это просто любопытство. Вот, начинают собираться наконец! Товарищи! Сильно опаздываете...

(Идут: Дуняша, ещё две девицы, двое рабочих.)

Китаев (посмотрев на них, берёт бутылку пива). Предлагаю выпить! Кто – за?

Кто – против? Воздержавшихся – нет? Принято единогласно... (Наливает, пьёт.)

(Собрались певцы. Дуняша и Людмила запевают.)

Вдоль да по речке,

Вдоль да по Казанке

Серый селезень плывёт.

(Китаев подошёл и тоже поёт. На террасе – Крыжов, хохочет, притопывая ногой. Терентьев, Арсеньева, глядя на него, тоже смеются.)

К и т а е в. Эх, мать честная! Здорово, ребята! (Кричит.)

А мы его по макушке

Бац, бац, бац!

ТРЕТИЙ АКТ

У Сомовых. Та же терраса. Поздний вечер. Луна. Л и д и я – в кресле. Я р о п е г о в – шагает мимо неё.

Я р о п е г о в. Допустим, что ты говоришь правильно...

Л и д и я. Говори мне – вы! Тут свекровь ходит.

Я р о п е г о в. Несёт дозорную службу.

Л и д и я. И вообще – довольно! Всегда говори со мной на вы!

Я р о п е г о в. Слушаю. Итак – допустим, что ты – пардон, вы рассуждаете правильно. Но у меня другой рисунок души, и я совершенно не выношу драм.

Л и д и я. У тебя – нет души.

Я р о п е г о в. Решено говорить на вы...

Л и д и я. Тише!

(Дуняша подаёт Лидии стакан молока.)

Л и д и я. Спасибо. Теперь вы свободны... Вот у Дуняши – есть душа. Она презирает всех нас.

Я р о п е г о в. Разве душа – орган презрения?

Л и д и я. Орган честных чувств. Дуняша честная с людьми.

Я р о п е г о в. Какой-то писатель проповедовал честность с собой. Это что-то вроде собаки, – собаки, которая водит слепого.

Л и д и я. А вы – не честный.

Я р о п е г о в. Спасибо. И – Сомов?

Л и д и я. Вы – все!

Я р о п е г о в (закуривая). Виноваты предки. Чёрт их научил избрать местом жительства этот идиотский земной мир! Представьте огромный арбуз, намазанный маслом. Страшно неудобно человеку стоять на нём, – скользишь направо, налево, вперёд, назад.

Л и д и я. Вы глупо шутите!

Я р о п е г о в. Может быть. Но – безобидно.

Л и д и я. С вами не стоит говорить о серьезном.

Я р о п е г о в. Это – верно, ибо: что есть истина?

Л и д и я. Я думаю, вы кончите самоубийством.

Я р о п е г о в. Н-ну... едва ли!

Л и д и я. Или – сопьётесь.

Я р о п е г о в. Это – возможно.

Л и д и я. Вы вообще несчастный человек.

Я р о п е г о в. Не чувствую себя таковым.

Л и д и я. Ложь.

Я р о п е г о в. Но может случиться, что я пойду к какой-нибудь Дуняше и скажу ей: "Дуня – перевоспитаю меня..."

Л и д и я. Удивительно пошло и лживо.

Я р о п е г о в. Напрасно рычите, Лида, я говорю... от души. В эту весну я особенно близко присмотрелся к рабочим, к мужикам. Рабочий довольно быстро переживает мужичка на свою колодку, и вообще... дьявольски интересно жить в этой среде! Много свирепого, не мало глупого, но всё, что понято, понято отлично! Чувствовал я себя там... весьма молодо...

Л и д и я. Не верю я тебе, ни одному слову не верю! (Идёт к лестнице.)

Я р о п е г о в (следуя за нею, касается плеча её). Послушай, – что значит всё это? Откуда, вдруг...

Л и д и я (стряхивая его руку). Не – вдруг! Тупой человек... Я... не знаю... я не могу понять... (Молча смотрит в лицо ему.) Скажи мне – в двух словах – что такое фашизм?

Я р о п е г о в. В двух словах? Н-ну, это... трудно...

Л и д и я. Не хочешь сказать, да?

Я р о п е г о в (пожав плечами). Почему – не хочу? Н-ну... Ты знаешь: жизнь – борьба, все пожирают друг друга, крупные звери – мелких, мелкие – маленьких. Фашисты – мелкие звери, которым хочется быть крупными, а маленькие зверьки тоже хотят вырасти. Крупный зверь заинтересован в том, чтоб мелкий был жирнее, а мелкий – в том, чтоб маленький жирел. Для этой... доброй цели необходимо... именно то, что существует, то есть полная свобода взаимного пожирания, а для свободы этой необходима частная собственность, зверячий порядок. Вот большевики и пытаются уничтожить основу зверячьего быта – частную собственность... Понятно?

(Лидия молча идёт с лестницы.)

Я р о п е г о в (вздыхнув). Ничего нового в фашизме – нет, это очень дряхлая и скверненькая катавасия... Зачем понадобилось тебе знать это?

(Ушли. На террасу выходят: Сомов, Богомолов, Изотов. Сомов несёт миску с крешоном, Изотов стаканы. Затем Сомов плотно закрывает дверь и окна в комнату. Богомолов отирает платком лицо и шею. Изотов – закуривает.)

Б о г о м о л о в. Дышать нечем.

И з о т о в. Н-да. Хлеба – горят.

Б о г о м о л о в. Думаете – неурожай будет?

И з о т о в. Говорят.

Сомов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Б о г о м о л о в. Недурно бы, знаете, а? (Сомову.) Мы - одни?

С о м о в. Да. Но - кажется - мы переговорили обо всём?

Б о г о м о л о в. И установлено: оборудование - накапливается, а строительство, понимаете, задерживается, насколько это возможно.

И з о т о в. Это - как аксиома.

Б о г о м о л о в. Затем: людей, которым наши планы не ясны...

И з о т о в. Или - ясны, но - не нравятся...

Б о г о м о л о в. Или - слишком ясны, - людей этих, понимаете, сдерживать в их стремлении отличиться пред товарищами.

И з о т о в. Переводить с практической на канцелярскую работу.

Б о г о м о л о в. И другими, знаете, приёмами. Вообще - сдерживать!

И з о т о в. Правильно.

С о м о в. Нужно ли повторять всё это?

Б о г о м о л о в. Не мешает, знаете, не мешает. (Изотову.) Вы, Дмитрий Павлович, несколько того... понимаете, несколько чрезмерно обнаруживаете ваш пессимизм, тогда как мы должны показывать себя оптимистами, верующими, понимаете, фантазиям товарищей...

С о м о в. Они - не глупы, у них есть чутьё. И не всё у них фантазии.

Б о г о м о л о в. Именно?

С о м о в. Разговоры о пятилетке, социалистическое соревнование...

И з о т о в. Карьером - далеко не ускачут.

Б о г о м о л о в. Но надо нахлестывать, знаете, - нахлестывать! Поощрять фантазии одних, развивать скепсис - других, понимаете... А пессимизм - неуместен в нашем положении.

И з о т о в. Я не пессимист, но, когда рискуешь головой...

Б о г о м о л о в (возбуждается). Головы, знаете, не имеют особой ценности, ежели они служат для того, чтоб по головам били дикие люди, да-с! Головы, понимаете, надобно держать выше, чтоб кулак дикаря не доставал до них! Надобно, понимаете, помнить, что руководство промышленным прогрессом страны - в наших руках-с и что генштаб культуры - не в Кремле сидит-с, а - именно в нашей среде должен быть организован, - понимаете! За нас - история, вот что надобно усвоить, - история! Пред нами безграничные возможности. Довольно адвокатов у власти, власть должна принадлежать нам, инженерам, - понимаете?

И з о т о в. Да, во Франции адвокаты командовали и командуют бездарно.

С о м о в. Командует - капитал...

Б о г о м о л о в. Далее вы скажете, что правительство служит промышленникам и так далее, согласно догматике товарищей. Но - забастовка адвокатов - ничего не может изменить, а если забастовка инженеров? Как вы думаете? То-то! Вы, дорогой, немножко, знаете, заражены нигилизмом Виктора Яропегова.

И з о т о в. Неприятный мужчина.

С о м о в. Он - талантлив.

Б о г о м о л о в. Н-но!

И з о т о в. Ему бы фельетончики писать в газетах товарищей.

Б о г о м о л о в. Он, понимаете, как раз из тех, кого надобно сдерживать. Таких, знаете, следует сажать на бумажки, припиливать к бумажкам...

С о м о в. Вы забываете, что такие – грамотны и умеют считать...

Б о г о м о л о в. Н-ну, мы будем пограмотнее. Мы – похитрее...

С о м о в. Тише говорите, здесь – гуляют.

И з о т о в. В будни-то!

С о м о в. За решёткой – дорога к реке. Сегодня снова приходил Лисогонов.

Б о г о м о л о в. Был и у меня. Всё спрашивает, когда будет пущена его фабрика.

И з о т о в. Дрянь фабрика. Старьё.

Б о г о м о л о в. Не брезгуйте, не брезгуйте! На неё можно затратить миллиона три. Можно и больше.

И з о т о в. Ага! Вы – с этой точки зрения? Ну, омерщвлять капитал такими порциями – длинная история!

Б о г о м о л о в. Но, между прочим, знаете, и это полезно. Между прочим! Мелочи – незаметны, но туча комаров – одолевает медведя, знаете!

С о м о в. У Лисогонова – диабет. Он умрёт скоро, наследников не имеет.

Б о г о м о л о в. Найдутся!

И з о т о в. Сын есть.

Б о г о м о л о в. Сын – помер. Диабет, знаете, и у меня есть. Доктора запретили вино, природа – запретила женщин, осталось одно удовольствие карты...

С о м о в. Яропегов идёт.

И з о т о в. Пьяный?

[Входит Яропегов.]

Б о г о м о л о в. Ну, нам – пора! Виктор Павлович! Совершили прогулочку под луной?

Я р о п е г о в (выпивши). Именно. И даже – с девицей.

Б о г о м о л о в. С хорошенькой? Счастливец! Вчера я видел вас тоже... кажется, с племянницей директора завода?

Я р о п е г о в. Именно с ней.

Б о г о м о л о в. Демократ вы! Что ж? Мы все – демократы.

Я р о п е г о в. Из принципа: "С волками жить, по-волчьи выть".

Б о г о м о л о в. Всегда он скажет что-нибудь такое, знаете... остренькое! Дивная привычка! Н-ну, пошли! Да, – чуть не забыл! Виктор Павлович, – дорогой! Заключение ваше по поводу изобретения этого молодого человека... как его?

Я р о п е г о в. Которого? Кузнецова или Зибера?

Б о г о м о л о в. Первого. Оптимистическое заключение! Сосчитали вы неверно. Слишком оптимистично. Уж – простите! Но в комиссии я буду возражать.

Я р о п е г о в. Это – ваше право. И – обязанность.

Б о г о м о л о в. Да, да, – буду против!

Я р о п е г о в. Поспорим.

Б о г о м о л о в. Ну – всех благ!

(Идут. Сомов провожает. Яропегов пьёт крушон.)

С о м о в. Не знаешь, где жена?

Я р о п е г о в. На берегу, с Арсеньевой, Терентьевым. Там комсомольцы рыбу неводом ловят.

С о м о в. Терентьев, кажется, ухаживает за учительницей?

Я р о п е г о в. Мужчины вообще любят ухаживать за женщинами.

С о м о в. А ты всё пьёшь?

Я р о п е г о в. А я всё пью.

С о м о в (шагая по террасе). Тебе не кажется, что учительница эта дурно действует на Лидию?

Я р о п е г о в. На неё безделье дурно действует. Ты бы советовал ей заняться чем-нибудь, вот хоть ликвидацией безграмотности.

С о м о в. Посоветуй ты...

Я р о п е г о в. Я для неё не авторитет. О чём беседовали с яковом?

С о м о в. Так... Вообще о делах.

Я р о п е г о в. Сдаётся мне, что он хочет похерить изобретение Кузнецова.

С о м о в. Странное подозрение! Какая у него может быть цель?

Я р о п е г о в. Удовлетворение злобы.

С о м о в. Ты куда?

Я р о п е г о в. В гости приглашён, к Троерукову. (Ушёл.)

(Сомов ходит по террасе, остановился, прислушивается. Вошёл в комнату, открыл окно. Идут: Терентьев, Лидия, Арсеньева, Миша и Дуняша.)

Т е р е н т ь е в. Мира – нет, Лидия Петровна, мира и не будет до поры, пока весь рабочий народ всемирной массой своей не обрушится на врага.

Л и д и я. Вы... верите в это?

Т е р е н т ь е в. Ну, ещё бы не верил! Разве это можно – не верить в то, для чего живёшь – работаешь?

А р с е н ь е в а. Идите, Миша, выпейте водки...

М и ш а. Да я – не пью!

А р с е н ь е в а. Грудь и ноги разотрите, а то простудитесь.

М и ш а. Никогда в жизни не простужался...

Д у н я ш а. А ты – иди! Не форси...

М и ш а. Ух, надоели! Что я – барышня?

[Миша и Дуняша уходят.]

Л и д и я. Какой славный мальчик!

Т е р е н т ь е в. У нас – сотни тысяч таких козырей. Недавно одного кулаки подстрелили, в правую сторону груди насквозь. В больницу его без сознания привезли, а пришёл в себя – первое слово: "долго хворать буду?" Он, видите, к приёму на рабфак боится опоздать, – вот в чём штука! Молодёжь у нас отличной продукции. Конечно, есть и брак, так ведь "в семье не без урода", а семейка-то великовата!

Л и д и я. Сыро становится. Катя, ты не зайдёшь ко мне?

А р с е н ь е в а. Нет. В шесть утра еду в город, надо кое-что приготовить, там районная конференция учителей.

Т е р е н т ь е в. А мне пора к дому. Будьте здоровы!

Л и д и я. Доброй ночи. Ты – надолго?

А р с е н ь е в а. Дней на пять.

Т е р е н т ь е в. Вы, Катерина Ивановна, штучку эту разберёте мне?

А р с е н ь е в а. Да. Я уже сделала это.

Т е р е н т ь е в. Отлично!

[Арсеньева и Терентьев уходят.]

(Лидия села на скамью у террасы, вынула папиросу, но, изломав её, швырнула прочь.)

С о м о в (через перила). Сыровато, ты бы шла домой.

Л и д и я. Принеси мне шаль.

(Идут Анна Сомова, Титова.)

Т и т о в а. Ведь они – как действуют? Тут у одного мужика, вдовца, дочь заболела...

А н н а. Да, да, у Силантьева, знаю!

Т и т о в а. Так они её просто похитили и увезли – будто бы в санаторию...

А н н а. Ужас!

Т и т о в а. Положим, она – комсомолка.

А н н а. Полный произвол... Это вы, Лидия?

Л и д и я. Как видите – я.

А н н а. Николай – дома?

(Сомов бросает шаль из окна.)

Т и т о в а. Здравствуйте, строжайший человек!

С о м о в. Моё почтение.

А н н а. Пойдёмте ко мне, сыграем.

Т и т о в а. С удовольствием. Чайком угостите?

А н н а. Конечно, если горничная соблаговолит. Вы знаете, мы зависим от прислуги...

[Анна и Титова уходят.]

С о м о в (жене). Иди сюда, упрямая! Сыро же! (Лидия идёт. Сомов встречает её на террасе, обнял.) Ты была с Терентьевым и Арсеньевой? Добродушный мужик. Что он говорил?

Л и д и я. Так много, что половины я не поняла, а другую не помню. Там Дуняша и его племянница пели - "Потеряла я колечко", - смешные слова, но очень грустили песня.

С о м о в. Глупая песня. А что такое эта Арсеньева - в конце концов?

Л и д и я. Она удивительно просто и веско говорит - "да!" и "нет" тоже веско.

С о м о в. Ну, это ты что-то из забытых пьес Ибсена! Скажи, ты не чувствуешь, что она плохо влияет на тебя?

Л и д и я. Плохо? Почему?

С о м о в. Ну... Наводит грустные мысли - и вообще...

Л и д и я. Нет, я этого не чувствую. А грустные мысли... Вот зеркало наводит их на меня.

С о м о в. Это - чепуха. Ты нисколько не изменилась, даже стала красивее.

Л и д и я. Спасибо! Но мне кажется, что "потеряла я колечко..."

С о м о в. И это - чепуха. Я тебя люблю не меньше. Я очень люблю тебя.

Л и д и я. Я - не о любви, а о том колечке, которое связывает с жизнью...

С о м о в. Ну, вот! Вот это - несомненно от Арсеньевой...

Л и д и я. Как... торопливо ты сказал, что очень любишь меня.

С о м о в. Ох, ты опять впадаешь в этот твой новый тон! Знала бы ты, как это неуместно! Нет, тебя необходимо поскорее отправить за границу. Я думаю сделать это осенью...

Л и д и я. А я - хочу за границу?

С о м о в. Это тебя развлечёт. Даже если и не хочешь - нужно ехать. Это удобнее.

Л и д и я. Для кого?

С о м о в. Для тебя. Я же говорил тебе, что возможны крупные события. Это - между нами, и ты, пожалуйста, не откровенничай на эту тему с учительницей...

Л и д и я. А - на другие темы?

С о м о в. Вообще я прошу тебя держаться с ней осторожно, особенно в тех случаях, если она начнёт что-нибудь выпрашивать. Она выпрашивает?

Л и д и я. Она рассказывает, выпрашиваю я.

С о м о в. О чём?

Л и д и я. О пионерах, комсомольцах, о ликвидации безграмотности...

С о м о в. Тебе это интересно?

Л и д и я. Я не понимаю - какие радости находит в этом молодая, красивая женщина? Арсеньева - находит.

С о м о в. Это - радость нищих духом, Лида.

Л и д и я. А я - не нищая?

С о м о в. Что за вопрос? Конечно - нет!

Л и д и я. Приятно знать. Но – каким скучным голосом сказал ты это!

С о м о в. Оставь этот... нелепый тон!

А н н а (из комнат). Коля, ты не помнишь кличку собаки вице-губернатора?..

С о м о в. Что такое?

А н н а [входит]. Ах, прости! Как ты кричишь! Я забыла кличку собаки Туманова, которую ты так любил.

С о м о в. Джальма! Джальма...

А н н а. Мерси. Вы, кажется, ссоритесь?

С о м о в. Ничуть. С чего ты взяла?

А н н а. Очень рада, если ошибаюсь. Вы оба так нервничаете последнее время. Это – нездорово. (Ушла.)

(Сомов сердито закуривает.)

Л и д и я. Продолжай.

С о м о в. Да. Так вот – неизбежны крупные события...

Л и д и я. Война?

С о м о в. Может быть...

Л и д и я. И – снова революция?

С о м о в. Почему – революция? Переворот, хочешь ты сказать...

Л и д и я. Ну да, – революция назад. Контрреволюция?

С о м о в. Это пустое слово – контрреволюция. Я говорил тебе: жизнь борьба за власть... за прогресс, культуру...

Л и д и я. Да, да, я помню. Ты говорил это, когда мы были близки...

С о м о в. Не выдумывай! Ты мне всё так же близка.

Л и д и я. В спальне.

С о м о в. Ты хочешь понять меня?

Л и д и я. О, давно хочу!

С о м о в. Ну, так – пойми! Рабочие захватили власть, но – они не умеют хозяйничать. Их партия разваливается, массы не понимают её задач, крестьянство – против рабочих. Вообще – диктатура рабочих, социализм – это фантастика, иллюзии, – иллюзии, которые невольно работой нашей поддерживаем мы, интеллигенты. Мы – единственная сила, которая умеет, может работать и должна строить государство по-европейски, – могучее, промышленное государство на основах вековой культуры. Ты – слушаешь?

Л и д и я. Конечно.

С о м о в. Власть – не по силам слесарям, малярам, ткачам, её должны взять учёные, инженеры. Жизнь требует не маляров, а – героев. Понимаешь?

Л и д и я. Это – фашизм?

С о м о в. Кто тебе сказал? Это... государственный социализм.

Л и д и я. Фашизм – это когда у власти маленькие звери, чтоб ими питались

Сомов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
крупные? Нужно, чтоб мелкие звери были жирные?..

С о м о в. Что за чепуха! Откуда это?

Л и д и я. Виктор сказал.

С о м о в. Виктор? Чёрт... Но – ты же видишь: он – человек пьяный, он морально разрушается, он уже ничего не понимает в действительности...

Л и д и я. Ты – крупный?

С о м о в. Что?

Л и д и я. Ты – крупный зверь?

С о м о в. Послушай, Лидия, – что ты говоришь? Что с тобой?

Л и д и я. Я – не знаю. Как ты побледнел, и какие злые глаза у тебя...

С о м о в. Я спрашиваю... Я должен знать – что с тобой?

Л и д и я. Я – сказала: не знаю. Но мне кажется, что ты... двоедушен и что этот противный старик, и волосатый Изотов, и горбун – вы все двоедушные... Подожди, не хватай меня. Я должна бы говорить иначе, но у меня нет сильных слов, нет сильных чувств.

С о м о в. Ты становишься истеричкой – вот что! Это – потому, что у тебя нет детей.

Л и д и я. Детей не хочешь ты...

С о м о в. И потому, что ты уже не любишь меня... я – знаю!

Л и д и я. Ничего не знаешь! Ни-че-го! Всегда бывает так: когда я говорю с тобой как с человеком – ты ведёшь меня в спальню.

С о м о в. Неправда!

Л и д и я. И во всех романах – так: она заговорила с ним как с другом, а он сказал: раздевайся!..

С о м о в. Стой, Лидия! Довольно! Слушай и – пойми. Ты... не глупа, ты должна понять. Молчи!.. Я двоедушен? Да! Иначе – нельзя! Невозможно жить иначе, преследуя ту великую цель, которую я поставил пред собой. Я – это я! Я – человек, уверенный в своей силе, в своём назначении. Я – из племени победителей...

Л и д и я. Крупный зверь?

С о м о в. Роль побеждённого, роль пленника – не моя роль! Богомоллов старый идиот...

Л и д и я. Ты хочешь быть вождём, Наполеоном? Очень крупным?

С о м о в. К чёрту...

Л и д и я. Не кричи...

С о м о в. Лидия! То, что ты сказала, имеет для меня... огромное значение... Тебе надули в уши... Тебя хотят сделать врагом твоего мужа...

Л и д и я. Нет, Николай, ты – не крупный...

С о м о в. Не смей шутить!

Л и д и я. Да – не кричи же!

С о м о в. Ты должна подумать... Может быть, эта Арсеньева...

Л и д и я. Тише! Кто-то идёт...

(Пение за сценой. Оба слушают. Сомов закуривает папиросу, дрожат руки. Он отходит от жены, глядя на неё изумлённо и тревожно.)

С о м о в. Как могло случиться, Лидия, что ты, вдруг...

(Слышно, что поют двое, Яропегов и Троеруков, на голос "Интернационала".)

Любовь считал он чистым вздором,

Тра-та-та-та! Тра-та-та-та-а!

Вдруг пред его учёным взором

Она предстала как мечта.

С о м о в. Вот - слышишь? Вот - Виктор...

(Яропегов, Троеруков, за ними - Лисогонов, все трое сильно выпивши.)

я р о п е г о в. Чета супругов при луне... Учитель - катый!

Т р о е р у к о в. О, как завидно это мне!

(Лисогонов, пытаюсь подняться, сел на лестнице.)

я р о п е г о в. Bravo, каналья! Лидочка - извини! Благодаря бога мы выпили! Мы так весело выпили, что... вообще... выпили! Учитель истории... композитор - пой! На третий глас! Никола, слушай! Учитель - раз-два!

Т р о е р у к о в.

Отречёмся от старого мира,

Отряхнём его прах с наших ног.

С о м о в. Прошу прекратить!.. Виктор - ты понимаешь...

я р о п е г о в. Ни черта не понимаю! Страшно рад! Не хочу понимать!

Л и д и я (смеясь). Виктор! Вы с ума сошли!

я р о п е г о в. Вот именно! Страшно рад. И почему нельзя петь? Разве кто-нибудь дрыхнет?

С о м о в. Я прошу тебя...

Т р о е р у к о в. Простите... Позвольте мне объяснить, я - учитель пения, пре-пода-ватель! Я говорю молодёжи: слова - чепуха! Смысл всегда в мелодии, в основной музыке души, в милой старинной музыке... бессмертной...

я р о п е г о в (Сомовым). Это он - ловко! Это - не без ума! Это, брат, такая ракалья...

Т р о е р у к о в. Хорошо, говорю я, церковь мы ликвидируем, но идея церковности, соборности, стадности... она - жива! (Смеётся.) Жива! Я учу владеть голосами... го-ло-совать. Голое - совать, совать голое слово! Я учу молодёжь.

С о м о в. Послушайте! Довольно!

я р о п е г о в. Нет, он - хитрая бестия! Ты - пойми: совать в жизнь пустое, голое слово, а? Замечательно придумал, негодяй! Учитель! Ты негодяй?

Т р о е р у к о в. Да!

я р о п е г о в. Видишь - сам понимает! Самосознание, брат... Чёрт знает, как

Сомов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
интересно! Лида – интересно?

Л и д и я. Страшно интересно!

Т р о е р у к о в. Я – негодяй, да! Я не гожусь в рабы д-дикарей...

(Лидия хохочет.)

С о м о в (Троерукову). Вон отсюда! Пьяный дурак!

(Анна идёт.)

Т р о е р у к о в. Н-нет, не дурак! И – меня нельзя оскорбить...

А н н а (строго). Господа! Вы слишком шумно веселитесь...

я р о п е г о в. Одолевает радость бытия...

Т р о е р у к о в. Вот – Анна Николаевна, она знает, что я не оскудел! Троеруков – не оскудел! Он может бороться, он способен мстить... Его стиснули – он стал крепче! Трагическое веселье, Анна Николаевна. Веселье глубокого отчаяния.

А н н а. Я понимаю, но не забывайте, что мы живём в окружении врагов.

С о м о в. Я прошу тебя, Виктор, – уведи этого шута!

я р о п е г о в. Слушаю. Я – тоже шут! Беспризорные, за мной! Учитель – шагом марш! Пой.

Т р о е р у к о в. Я очень прошу...

я р о п е г о в. Никто, брат, ни черта не даст! Пой! (Поёт.)

Отречёмся от старого мира

И полезем гуськом под кровать.

Т р о е р у к о в. Саша Чёрный сочинил, гениальный Саша, талантливейший! Аверченко... Гениальный! "Сатирикон" – а? Где все они, где? Никого нет, ничего! Всё погибло...

я р о п е г о в. Пой, чёртова шляпа! Лисогонов, варёный идиот, шагай! (Идут вдвоём, поют в темпе марша.)

Чёрный, гладкий таракан

Тихо лезет под диван.

От него жена в Париж

Не уедет, нет – шалишь!

я р о п е г о в (орёт). Браво!

[Яропегов и Троеруков уходят.]

С о м о в (жене). Пойдём, Лидия...

Л и д и я. Нет, я не хочу...

А н н а. Это – кто? Ах, это – Лисогонов. Вам – плохо?

Л и с о г о н о в (опускаясь на колени). Дорогие...

А н н а. Что с вами? Зачем вы?

Л и с о г о н о в. Любимые... Работайте! Покупайте. Снабжайте! Как я буду благодарен вам...

Л и д и я. Чего он хочет?

С о м о в. Просто – пьян! Нам нужно кончить, Лида...

Л и д и я. Что – кончить? Подожди...

А н н а. Встаньте!

Л и с о г о н о в. Не могу. Мне – запретили пить, но я – вот... выпил! Тоска! Один! Сын был... Подлец, и негодяй...

А н н а. Николай, помоги ему!

Л и с о г о н о в. Пошёл служить им... против отца и нар-рода! Издох, как пёс... заездили! От чахотки. Он смолоду был чахоточный. Жена первая... его мать, дворянка, тоже чахоточная... Вот как! Николай Васильевич... прошу вас Христом богом...

Л и д и я. Какой гнусный человек!

А н н а. Нужно понять: он – страдает!

Л и д и я (мужу). О чём он просит тебя?

С о м о в. Ты же видишь, он – пьян!

Л и д и я. А – трезвый?

А н н а. Николай, да помоги же мне...

С о м о в. Ну, вы! Вставайте...

А н н а. Как грубо! Сведи его с лестницы.

С о м о в. Идите... Эх вы...

Л и с о г о н о в. Родной мой – фабричку-то, фабричку... Об... оборудуйте, пора! Везде – строят, всем – покупают...

(Лидия смеётся.)

А н н а. Какой неуместный, какой жестокий смех! Какая жёсткая душа у вас, Лидия. Люди сходят с ума...

Л и д и я. Вообразите, что я – тоже... (Ушла в комнату.)

А н н а (грозя пальцем вслед ей, бормочет). Подожди! Смеётся тот, кто смеётся последний.

С о м о в (идёт). Где Лидия?

А н н а. Бедный мой Николая! Какая жизнь...

С о м о в (шипит). Что вам угодно? Это всё ваши... ваши приятели... (Убежал в комнаты.)

А н н а. Боже мой... я не узнаю сына. Боже мой...

ЧЕТВЁРТЫЙ АКТ

Там же, у Сомовых. Поздний вечер. На террасе – С е м и к о в, сидит, пишет, шевелит губами, считает, загибая пальцы; рядом с ним на полу свёрток чертежей. Из комнат выходит с подносом чайной посуды Д у н я ш а.

Д у н я ш а. Ты всё ещё ждёшь, франтик?

С е м и к о в (бормочет). К своей какой-то тёмной цели...

Д у н я ш а. Сочиняешь? Ты бы частушки сочинил на Китаева, на дурака.

С е м и к о в. Китаев – грубый, а не дурак.

Д у н я ш а. Ну, много ты понимаешь в дураках! Вот сочини-ка что-нибудь смешное.

С е м и к о в. Я смешное не люблю.

Д у н я ш а (показав ему язык). Мэ-э! Тебе и любить-то – нечем. Туда же – не люблю...

(Лидия вышла.)

Л и д и я. Кого это?

Д у н я ш а. Вот – сочинителя. (Ушла.)

С е м и к о в. Лидия Петровна, вы эту книжку читали?

Л и д и я (взяла книгу). "Одеяние духовного брака". Нет. Что это значит – духовный брак?

С е м и к о в. Тут – вообще... о божестве...

Л и д и я. Вы верующий?

С е м и к о в. Нет, – зачем же! Но он говорит: хоть не веришь, а знать надо.

Л и д и я. Кто это – он?

С е м и к о в. Учитель пения.

Л и д и я. Он, кажется, чудаковат? И пьёт?

С е м и к о в. Нет, он очень серьёзный... Образованный. Я в этой книжке ничего не понял. Тут предисловие Метерлинка, так он прямо говорит, что Рейсбрук этот писал пустынными словами.

Л и д и я. Вот как?

С е м и к о в. Да. Я вот записал: "Созерцание – это знание без образов, и всегда оно выше разума". Это, по-моему, верно. Мысли очень мешают творчеству, сочиняешь и всё думаешь, чтобы хорошо вышло. А он говорит, что хорошо будет, если не думать, а только слушать музыку своей души, тогда и будет поэзия. В жизни – никакой поэзии нет.

Л и д и я. Это – вы говорите или он?

С е м и к о в. Он. Но он верно говорит, по-моему. Только я никак не могу без образов. Я вот пишу:

И, в облаках погребена,

чуть светит бледная луна,

и тёмной массой идут ели

к своей какой-то тайной цели.

Л и д и я. Что же? Кажется, – это не плохо.

С о м о в (выбежал). Э, голубчик, что же вы пришли, а не сказали?

С е м и к о в. Я сказал Дуняше...

С о м о в. Давайте чертежи... Дуняша! Вы не для Дуняши работаете. Можете идти! Впрочем – подождите!

Л и д и я. Вы – скоро?

С о м о в. Да. Сейчас. (Ушёл.)

С е м и к о в. Я выписал ещё вот: "При посредстве разума высказывается многое о начале, которое выше разума. Но постижение этого начала гораздо легче при отсутствии мысли, чем при её посредстве".

Л и д и я (рассеянно). Да...

С е м и к о в. Но – как же без мысли-то? Ведь вот заметно, что и собаки о чём-то думают.

Л и д и я (потирая лоб). Видите ли, Семиков...

С е м и к о в. Я переименовал фамилию, на Семиоков. Так – лучше для творчества. А то – Семиков, Кузнецов, Горшков, – какая тут поэзия?

(Выходят: Изотов и ещё двое, один – толстый, другой – сутулый; они прощаются с Лидией почтительно и молча.)

И з о т о в. Могу прислать вам масла.

Л и д и я. Спасибо, у нас есть...

И з о т о в. Анна Николаевна сказала – нет. А мёд – есть? Могу прислать. Отличный мёд!

Л и д и я. Я спрошу свекровь.

И з о т о в. Имейте в виду: товарищи организуют пищевой голод...

(Лидия указывает глазами на Семикова.)

И з о т о в. Я, конечно, подразумеваю мужика, он сам всё ест. Он рассердился на город и ест масло, яйца, мясо – всё ест! Дразнит нас, скотина. Вы, дескать, хотите без мужика жить? Гвоздей, ситца не даёте? Так я тоже ни зерна не дам! Хо-хо! Ну, до свидания!

Л и д и я. В город?

И з о т о в. Нет, мы здесь ночуем, у Богомолова. Винтить будем. Старик у нас – азартнейший винтёр. Его – маслом не корми, но – обязательно – винт! Всех благ!

Л и д и я. Вы сегодня весёлый.

И з о т о в. Дела идут хорошо. Отлично идут дела! (Ушёл.)

С е м и к о в. О рыбах я тоже выписал...

Л и д и я. Что? О рыбах?

С е м и к о в. О том, что чешуя у рыб – разная и что люди тоже не могут быть одинаковы. Но ведь чешуя-то – одежда, вроде пиджака или толстовки...

(Сомов, Богомолов.)

С о м о в. Слушайте-ка, голубчик, вы небрежно работаете! Напутали там чёрт знает как! Можете идти.

(Семиков быстро исчезает.)

Б о г о м о л о в. Чистенький какой парнишка...

С о м о в. Глуповат. Стихи пишет, ну и...

Б о г о м о л о в. В его возрасте глупость, знаете, только украшает...

Л и д и я. Чаю выпьете?

Б о г о м о л о в. Нет, спасибо! Н-да, молодёжь... Большой вопрос. Конечно, она получит право носить брюки и галстуки каких угодно цветов, н-но многие потребуют столыпинских галстуков, а?

Л и д и я. Вы очень... мрачно шутите...

Б о г о м о л о в. Живём в эпоху мрачных шуток-с! Да, кстати: Яропегов - писал вам?

С о м о в. Один раз.

Б о г о м о л о в. Ну, как он? Поправился?

С о м о в. Вероятно.

Б о г о м о л о в. Странный случай, а? Ну, я удаляюсь! Старик, болтлив стал...
Доброй ночи! (Идёт.)

Д у н я ш а [входит]. Самовар подать?

Л и д и я. Да. Пожалуйста. Кто это ходит там?

Д у н я ш а. Катерина Ивановна с Фёклой. [Уходит.]

Л и д и я (зовёт). Катя, иди чай пить...

А р с е н ь е в а. Спасибо. Минут через десять.

[Арсеньева и Фёкла уходят.]

С о м о в (проводив Богомолова). Зачем ты позвала её?

Л и д и я. Чай пить.

С о м о в. Ты как будто избегаешь оставаться глаз на глаз со мною после той истерической сцены...

Л и д и я. Мы условились не вспоминать о ней...

С о м о в. Не избегаешь, нет?

Л и д и я. Как видишь.

С о м о в. Должен сознаться, Лида, что всё-таки тот вечер... очень болезненно ушиб меня! И я продолжаю думать, что эта Арсеньева...

А н н а (входит). Ты - об Арсеньевой, да? Она хочет быть любовницей увальня Терентьева и, кажется, уже добилась этого, об этом все говорят!

Л и д и я. Например - Титова.

А н н а. Это - пошловатая, но очень умная женщина! Мы, конечно, поставлены в необходимость вести знакомство со всякой швалью, но, Лида, я совершенно отказываюсь понять, что интересного находишь ты в этой сухой, глуповатой учительнице и - возможно - шпионке?

Л и д и я. Вы всё ещё не оставили надежду воспитать меня?..

С о м о в. Продолжая в этом тоне, вы поссоритесь, как всегда.

Л и д и я. Я никогда ни с кем не ссорюсь.

А н н а. Но тебе всё более нравится раздражать меня...

Л и д и я. Не ссорюсь и начинаю думать, что это один из моих пороков.

С о м о в. Довольно, Лида! Вы, мама, тоже...

А н н а. Ты лишаешь меня права...

С о м о в. Тише! Идёт эта... Куда ты, Лидия?

Л и д и я. Я пройду с нею к реке.

С о м о в. Надеюсь, – не до полуночи?

([Лидия уходит.] Дуняша вносит самовар.)

А н н а. Вы, Дуня, сегодня снова устроили в кухне базар...

Д у н я ш а. Что же нам – шёпотом говорить?

А н н а. Нет, конечно, но эти ваши... дикие песни!

Д у н я ш а. Кому – дикие, а нам – приятны. Вы – отпусайте меня вовремя, вот и будет тихо. Я работаю не восемь часов, а тринадцать. Это не закон! (Ушла.)

А н н а (заваривая чай). Разрушается жизнь. Всё разрушается.

(Сомов стоит у перил, смотрит в лес.)

А н н а. Как хочешь, Николай, но ты неудачно выбрал жену! Я предупреждала тебя. Такое... своекорыстное и – прости! – ничтожное существо. Ужас! Ужас, Николай... Вообще эта семья Уваровых – морально разложившиеся люди. Отец её был либерал... дядя – тоже, хотя – архиерей. Архиерей – либерал! Ведь это... я не знаю что! И вот теперь ты, такой сильный, умный, талантливый... Боже мой!

С о м о в. Вы кончили, да?

А н н а. Не так зло, Николай! Не забудь, что говоришь с матерью.

С о м о в. Послушайте меня молча, если можете... Я не однажды говорил вам, что в моём положении всякие... пустяки...

А н н а. Я надеюсь, что мать – не пустяк?

С о м о в. Нет, но она занимается пустяками, которые могут компрометировать меня. Ваше поведение... весьма забавно, но – я не могу относиться к нему юмористически.

А н н а. Я не желаю слушать! Ты не имеешь права ограничивать...

С о м о в. Не говорите фразами из учебника грамматики...

(Фёкла идёт.)

А н н а. Что вам нужно?

Ф ё к л а. Спекулянта-то нашего заарестовали, Анна Николаевна...

А н н а (перекрестилась маленьким крестом, почти незаметно). Вот видишь? Это был честный, разумный человек. Наверное, это ошибка, Фёкла...

Ф ё к л а. Да, ошибся, говорят; доски на стройке воровал, что ли. Это, конечно, его дело, да он сегодня должен был доставить разное для кухни...

А н н а. Ну, что же! Найдите другого поставщика... Идите!

Ф ё к л а (задумчиво). Тут есть одна баба, тоже кулачиха, да уж очень стерва.

А н н а. Прошу не ругаться!

С о м о в. От кого вы узнали об аресте?

Ф ё к л а. Мишутка-комсомол сказал.

А н н а. Идите, идите... Договоритесь с кем-нибудь...

Ф ё к л а. Ну, хорошо! Я уж с этой... стерлядью. Других-то нету. (Ушла.)

А н н а. Вот, Николай, как уничтожают людей! Силантьев был влиятельный мужик. Он, рабочий Китаев, Троеруков...

С о м о в. Вор, дурак и пьяный шут, но они могут втянуть... могут поставить вас в положение очень глупое...

А н н а. За всю мою жизнь я никогда не была в глупом положении. Ты должен понять, что с тобою говорит не только женщина, которая родила тебя, но - одна из тысяч женщин нашего сословия, оскорблённых, униженных, лишённых права на жизнь, - одна из тысяч!

С о м о в. Да, да, хорошо! Я говорил вам... вы знаете, что страна переживает тяжёлый кризис...

А н н а. Ты со мной не говоришь, ты мне приказываешь. Со мной говорит Яков Антонович, человек, которого ты должен бы...

С о м о в (изумлён). Богомоллов? Что же он?

А н н а. Я - всё знаю, Николай! Я знаю героическую его работу, его жизнь подвижника, он - святой человек, Николай! А около тебя этот Яропегов, и ты так наивно, так детски доверчив с ним... Яков Антонович - в ужасе! Он боится, что Яропегов предаст и тебя и...

С о м о в (с тихой яростью). Богомоллов... старый идиот... болтун... мелкий взяточник, вот - Богомоллов! Что он говорил?

А н н а. Николай! Ты с ума сходишь!

С о м о в (схватил её за плечи, встряхнул). Молчите! Это вы сошли с ума! Запру в сумасшедший дом! Понимаете? Не смейте говорить с Яковом! И ни с кем - слышите? Этого... учителя - не принимать!

А н н а. Николай! Что ты делаешь? Опомнись! (Плачет.)

С о м о в (оттолкнул её). Завтра вы переедете в город.

А н н а. Ты делаешь дурное дело! Служить большевикам... ты, которого...

С о м о в (резко поднял её со стула). Идите к себе. Завтра - в город! Слышите?

А н н а. Пусти меня! Пусти... (Идёт. В двери - оглянулась.) Ты внушаешь мне страшную мысль, - проклясть тебя!

С о м о в. Не разыгрывайте трагикомедии... Довольно! ([Анна уходит.] Шагает по террасе. Закуривает. Спички ломаются. Остановился, прислушивается. Бросил коробку спичек за перила.)

Т р о е р у к о в (на лестнице, с палкой в руке, прихрамывает). Добрый вечер.

С о м о в. Что вам угодно?

Т р о е р у к о в. Спички. (Протягивает коробку.)

С о м о в. Что?

Т р о е р у к о в. Спички упали.

С о м о в. К чёрту! Что - вам - угодно?

Т р о е р у к о в. Записка от Якова Антоновича.

С о м о в (взял, читает, смотрит на него). Садитесь. (Взглянул на записку.) Ну-с, что же? Богомолов предлагает взять вас на место Семикова... Вы это знаете?

Т р о е р у к о в. Да.

С о м о в. Вы... преподавали историю?

Т р о е р у к о в. Чистописание, рисование. Невеждам говорю, что преподавал историю.

С о м о в. Вот как? (Не сразу.) Сидели в тюрьме, да?

Т р о е р у к о в. Два раза. Четыре месяца и одиннадцать.

С о м о в. За убеждения, конечно, да? То есть за болтовню?

(Троеруков молчит. Смотрят друг на друга.)

С о м о в. Мало. На месте ГПУ я бы вас - в Соловки. Лет на десять.

Т р о е р у к о в. Вы шутите или оскорбляете?

С о м о в. А - как вам кажется?

Т р о е р у к о в. Кажется - хотите оскорбить.

С о м о в. Ну и что же?

Т р о е р у к о в. Это - напрасно. Я так отшлифован оскорблениями, что от них не ржавею. Вы дадите мне работу?

С о м о в. Нет.

Т р о е р у к о в. Можно спросить - почему?

С о м о в. Спросите, но я не отвечу.

Т р о е р у к о в. До свидания. (Встал.) Так и сказать Якову Антоновичу?

С о м о в. Так и скажите... Впрочем - постойте! Вы способны говорить откровенно?

Т р о е р у к о в. Зависит от того - о чём и с кем.

С о м о в. О себе. Со мной.

Т р о е р у к о в. Зачем?

С о м о в. Вот как? Таким я вас не представлял. Любопытно. Вы давно знаете Богомолова?

Т р о е р у к о в. Пять лет.

С о м о в. И... что же вы о нём думаете? Можно узнать?

Т р о е р у к о в. Старый человек, не очень умный, обозлённый и неосторожный...

(Сомов молча смотрит на него. За террасой голоса Арсеньевой, Лидии.)

Т р о е р у к о в. Могу уйти?

С о м о в. Нет. Пойдёмте-ка ко мне... Вы как будто... человек неглупый, а?

Т р о е р у к о в. Не имею оснований считать себя дураком.

С о м о в. И не плохой актёр?

Т р о е р у к о в. Все люди - актёры.

(Ушли. Входят женщины.)

А р с е н ь е в а. Не знаю, как я могла бы помочь тебе.

Л и д и я. И я не знаю.

А р с е н ь е в а. Уж очень ты слабовольна.

Л и д и я. Вот это я знаю. Будем пить чай?

А р с е н ь е в а. Да. И детей нет.

Л и д и я. Он – не хочет. Да и – какая я мать?

А р с е н ь е в а. Он очень эгоистичен?

Л и д и я. Он – честолюбив. И – чёрствый. Он вообще... мало похож, совсем не похож на того человека, каким я видела его до замужества.

А р с е н ь е в а. Ты – сильно влюбилась?

Л и д и я. Да. Впрочем – не знаю. Может быть, я просто хотела скорее выйти замуж. Отец ненавидел революцию, рабочих и всё... И меня тоже. Он стал такой страшный. Мы жили в одной комнате, иногда мне казалось, что он хочет убить меня. Он говорил: "Если б не ты, я бы дрался с ними". Ты помнишь его?

А р с е н ь е в а. Смутно.

Л и д и я. Ночью он молился, рычал: "Господи, покарай, покарай!" я не могла уснуть, пока он сам не уснёт. Утром проснусь, а он сидит на диване и смотрит на меня – так, что я не могу пошевелиться.

А р с е н ь е в а. Разведись, Лида, поживи со мной; у меня есть мальчик, приёмш, беспризорный, удивительно забавный, талантливый.

Л и д и я. Я такая... дрянь! Знаешь, мне даже противно видеть себя в зеркале. Такое ненавистное, чужое лицо...

А р с е н ь е в а (гладит её плечо, голову). Перестань.

Л и д и я. Особенно гадко вспомнить себя... ночью. Он любит, чтоб в спальне горел огонь, понимаешь? Он такой... чувственный и заражает меня. Потом – думаешь: какое несчастье, какой позор быть женщиной!

А р с е н ь е в а. Мне очень... грустно с тобой...

Л и д и я. Грустно? И только?

А р с е н ь е в а. Ты была такая... прозрачная, правдивая, так серьёзно училась, думала.

Л и д и я. А я и тогда вижу себя ничтожной. Теперь стала хуже... глупее, нечестной.

А р с е н ь е в а. У меня, Лида, нет... мягких слов, я не умею утешать.

Л и д и я. Ты всегда была такой.

А р с е н ь е в а. Я преданно... искренно люблю людей, которые – вот видишь – строят новую жизнь. И все другие, кроме их, мне уже непонятны. Я даже и себя, иногда, не понимаю. Мне стыдно вспомнить, что я могла думать и чувствовать иначе, не так, как теперь.

Л и д и я. Как горячо ты...

А р с е н ь е в а. Люди, как Дроздов, Терентьев, действительно – новые люди. Они – в опасном положении, у них гораздо больше врагов, чем друзей.

Л и д и я. Рабочие так страшно упрощают всё.

А р с е н ь е в а. Они упрощают правду...

Л и д и я. Кто-то идёт?

Я р о п е г о в (в охотничьих сапогах, с двустволкой за плечами, с чемоданом в руке). Пардон, медам! Я, кажется, втяпался в лирическую сцену? Чай? О, дайте мне скорее чаю! Из оперы "Князь Игорь" – не замечаете?

А р с е н ь е в а. Как ваша голова?

Я р о п е г о в. Работает – как всегда: гениально!

Л и д и я. А болит ещё?

Я р о п е г о в. Немножко. Скорее – из вежливости, чем по необходимости.

Л и д и я. Где ты... где вы были?

Я р о п е г о в. Чёртова глушь. Шестьдесят три километра от ближайшей станции. Леса. Бурелом, валежник, гниль и вообще все прелести лесов, где никто, кроме лешего, не хозяйничал. Проводят ветку – адова работа, но весело! Николай дома? (Рассказывая, он снимает ружьё, ставит его в угол; вынул из кармана револьвер, положил его на подоконник, прикрыл шляпой.)

Л и д и я. Кажется, вы чем-то встревожены?

Я р о п е г о в. И сам себе – зубы заговариваю, – как вы любите выражаться?

А р с е н ь е в а. Ну, Лида, я пойду!

Л и д и я. Посиди ещё немножко.

Я р о п е г о в. Это не я спугнул вас?

А р с е н ь е в а. О, нет, я не пуглива.

Л и д и я. Посиди!

Я р о п е г о в. А я пойду, взгляну, где Николай. (Ушёл.)

А р с е н ь е в а. Какой он жизнерадостный.

Л и д и я. Нет, это только слова у него такие, а он – несчастный и притворяется. Я его знаю. Он чем-то встревожен. Он притворяется, но не умеет. И лгать не умеет.

А р с е н ь е в а. Его очень любит молодёжь.

Л и д и я. Он всегда заговаривает зубы себе и всем. Он был женат на двоюродной сестре мужа, а она ушла с каким-то англичанином в Сибирь и там умерла. У тебя муж – кто был?

А р с е н ь е в а. Плохой человек.

Л и д и я. Тоже?

А р с е н ь е в а (смеясь). Ах ты... Дитя ты ещё! Муж мой был журналист, после Октябрьской революции он показал себя так, что мы разошлись...

Л и д и я. Он – где?

А р с е н ь е в а. Убит в гражданской войне. Он – белый, корниловец.

Т р о е р у к о в (поспешно вышел из комнаты, схватил палку). Извините! (Сбежал с лестницы.)

Л и д и я. Вот противный человек.

А р с е н ь е в а. Да. Очень.

С о м о в (из комнаты). Лида!

Л и д и я. Что?

С о м о в. На минуту!

Л и д и я (ушла, быстро возвращается). Пойдём ко мне наверх...

А р с е н ь е в а. Мне пора домой...

Л и д и я. Нет, – пойдём! Ты так хорошо говорила со мной сегодня!

А р с е н ь е в а. Далёко я живу.

Л и д и я (ведёт её). Да, очень далёко от меня, далёко! Но мне так хочется побыть с тобой.

(Ушли. Через минуту Сомов – вышел, за ним – Яропегов.)

С о м о в. Здесь удобнее.

Я р о п е г о в. Чем? (наливает чай.)

С о м о в. Всегда видишь, кто идёт...

Я р о п е г о в. Есть такой балет: "Тщетная предосторожность". (Ожёг руку.) А, чёрт...

С о м о в. Ты ничего не говорил жене?

Я р о п е г о в. Я вскочил на террасу и при этой учительнице заорал, как мальчишка-газетчик: "Попов приехал из-за границы и на вокзале арестован..."

С о м о в (ходит). Выхватывая из нашей среды таких, как он, товарищи обезоруживают себя. В конце концов – всё против них.

Я р о п е г о в. Ты думаешь? Гм...

С о м о в. Богомоллов будет... встревожен...

Я р о п е г о в. Дуреет старик. Загнал фабрику в трущобу, а можно было построить километров на тридцать ближе к путям и на сухом месте. Вообще работу он ведёт не очень грамотно и спустя рукава. Пристыдят его товарищи, когда разберутся. А они скоро начнут понимать, из их среды уже появляются весьма остроумные парни.

С о м о в. Не замечаю.

Я р о п е г о в. Ты из-за проектов и бумаг людей не видишь. (Пауза.) Напрасно меня выдернули вы из живого дела. На практической работе я чувствовал себя лучше и пил меньше. У вас тут атмосфера низкого давления и какая-то... всё чихать хочется, а чихнуть – некуда.

С о м о в. Виктор! Когда автомобиль свалил тебя...

Я р о п е г о в. Числа – не помню.

С о м о в. Я не об этом. Шофёр не возбуждает у тебя никаких подозрений?

Я р о п е г о в. Подозреваю, что он был пьян, идиот. Трезвый не поедет с погашенными фонарями.

С о м о в. Странно, что ты не заметил шофёра и кто сидел с ним...

Сомов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Я р о п е г о в. Когда на человека налетает автомобиль, так человек прежде всего замечает машину, затем – столкновение машины с его брюхом, далее он замечает, что его швырнуло на панель и что башка его неприятно стукнулась о какое-то твёрдое тело. После этого человек утрачивает на некоторое время способность замечать что-либо. А очухавшись, деловито соображает, насколько он испорчен. При всём этом – нет времени знакомиться с шофёром.

С о м о в. Это забавно, Виктор, но...

Я р о п е г о в. Почему ты вспомнил этот случай?..

С о м о в. Видишь ли, ты – извини! Но мне кажется, что автомобиля вообще не было, а просто ты упал...

Я р о п е г о в. Будучи в пьяном виде? На этом и согласимся.

С о м о в. Тут всё время ищут шофёра, этот... товарищ Дроздов, должно быть, подозревает хулиганство и, может быть...

Я р о п е г о в. Мне следует заявить, что это я сам, в пьяном виде, наскочил на автомобиль? Что ж, можно и заявить. Но гражданин, который поставил меня на ноги...

Б о г о м о л о в (идёт поспешно, с зонтиком под мышкой, говорит негромко, задыхаясь, заикается). Виктор Павлович... Действительно – Попов, а?

Я р о п е г о в. Именно – он.

Б о г о м о л о в. Странно как, знаете? И – почему, а?

Я р о п е г о в. Сие – неизвестно. Что вы – с зонтиком?

Б о г о м о л о в. От собак. Я думал – палка. Как же это... случилось?

Я р о п е г о в. Очень просто: его встретили люди, которые в таких случаях встречают...

Б о г о м о л о в. В каких случаях?

Я р о п е г о в. Ну, вот – в этих, когда человека арестовать надо...

С о м о в. Не так громко, Виктор...

Б о г о м о л о в. Надо? Надо... мотивы иметь!

Я р о п е г о в. Вероятно, у них есть и мотивы.

Б о г о м о л о в (озлобляясь). Вы шутите! Вы всё шутите...

Я р о п е г о в. Привычка. Свыше мне дана.

С о м о в. Яков Антонович, мне надобно сказать вам несколько слов...

Б о г о м о л о в. Сейчас, подождите! (Яропегову.) Ну, встретили и... что же?

Я р о п е г о в. И повели.

Б о г о м о л о в. Сказали что-нибудь?

Я р о п е г о в. Не слышал.

Б о г о м о л о в. Портфель у него? Багаж?

Я р о п е г о в. Да – что я? Багажный кондуктор? Я видел, что Попова любезно ведут, а он... идёт! И это – всё!

Б о г о м о л о в. Любезно! Ой, как нехорошо говорите вы! У вас... коллегияльного чувства нет-с! Вы... не понимаете – кто арестован! Кто!

Я р о п е г о в. Я сказал: арестован – Попов, вы знаете его, да? Ну, вот. И – чего вы кричите на меня? По какому праву?

Б о г о м о л о в. Право старшего товарища... – Иду, Сомов, иду! Не возмущаться такими актами бесправия... (Сомов шепчет в ухо ему.) Да... Иду! Вы извините, Виктор Павлович, но... я – старый человек и – возмущён, знаете! Николай Васильевич – надо сказать Изотову...

С о м о в. Да, но мне некого послать...

Б о г о м о л о в. Подождите... Тут должен быть... (Кричит.) Кирик Валентиныч, вы – где? (Сбежал с лестницы. Из-за деревьев – Троеруков, шепчутся. Яропегов изумлён. Сомов, нахмурясь, следит за ним. Богомоллов возвратился.) Идёмте! Какие волнения... На старости лет...

[Богомоллов и Сомов уходят.]

(Яропегов протёр пальцами глаза, щупает затылок, крутит бородку, бормочет что-то, берёт чемодан, ружьё.)

Ф ё к л а [входит]. Здравствуйте, Виктор Павлыч, – приехали?

Я р о п е г о в (как сквозь сон). Очевидно... приехал! Как живём, премудрая?

Ф ё к л а. Стряпаю да кормлю, вот и всё житьишко! Денег надобно, а взять не у кого, старшая хозяйка – заперлась, не допускает до себя, молодая – пищей не интересуется... Поправились от ушиба-то?

Я р о п е г о в. Вполне. Хоть жениться могу...

Ф ё к л а. Жениться вам – самое полезное дело. И женитесь – на молодой, вы – весёлый, с вами и молодая скучать не станет.

Я р о п е г о в (хочет идти). Так я и сделаю...

Ф ё к л а (собирая посуду со стола). А у нас тут всё скандалы, всё аресты. Шпекулянта Силантьева арестовали, Китаева, они, слышь, материал со стройки привыкли красть. Ведь вот такая это дурная привычка – воровать! Ну, Силантьев – пёс его возьми! А рабочему-то воровать не надо бы! Подумал бы: у кого ворует? Сам у себя ворует.

Я р о п е г о в (поставил чемодан на пол). Правильно! Китаева, говорите, зацапали?

Ф ё к л а. Да, да! И слышно, что будто бы он пьяный хвастался, что на человека наехал, – не он ли это на вас?

Я р о п е г о в. Не-ет... Мало ли таких... которые наезжают.

Ф ё к л а. Задумчивый вы нынче.

Я р о п е г о в. Устал, должно быть.

Ф ё к л а. Ну – отдыхайте, отдыхайте... (Несёт посуду в комнату.)

(Яропегов уступает ей дорогу, а из двери, оттолкнув Фёклу, бежит Богомоллов.)

Б о г о м о л о в (задыхаясь). Нет-с, это невозможно. Я – протестую! Это – ваше дело, а – не моё! Это – ваш план! Возражаю! Это вы... перешагнули за рубеж... географический и разума-с!

С о м о в. Разрешите напомнить, что Яропегов не посвящён..!

Б о г о м о л о в. Не верю-с! Хладнокровием рисуетесь? И в хладнокровие не верю-с! Вот как, Виктор Павлович? Шуточки – шутили? Ловко!

Я р о п е г о в. В чём дело, Николай?

С о м о в. Как видишь – Яков Антонович в панике.

Б о г о м о л о в. Я? В панике? Ложь! Я – возмущён. Я – стар, в старости – ничего не боюсь! (Плачушим голосом.) В старости... нечего терять... нечего, да!

Я р о п е г о в. Ясно, что в этой интимной беседе третий человек лишний.

С о м о в. Давайте обсудим спокойно...

Б о г о м о л о в. Спокойно? После сказанного вами? Нет, знаете...

С о м о в. Вы сделали целый ряд глупостей...

Б о г о м о л о в. Я? Да – что вы? Вы... Наполеоном себя считаете? Позвольте... чёрт возьми! Это – не пройдёт!

С о м о в. Подождите.

Б о г о м о л о в. Мне ждать от вас нечего...

С о м о в. Не от меня... Молчите... Слышите?

Б о г о м о л о в. Что такое? Что... слышать?

(Сомов – быстро сунул руки в карманы и – сквозь зубы негромко рычит. Богомоллов, выпрямляясь, качается на ногах. На террасу входят четверо агентов ГПУ.)

А г е н т (очень вежливо). Николай Васильевич Сомов?

С о м о в. Это – я.

А г е н т. Вы арестованы. Выньте руки из карманов. А вы – кто?

Б о г о м о л о в. Яков... Богомоллов. Яков Антонович... Богомоллов...

А г е н т. Вы – тоже арестованы. Здесь живёте, нет?

Б о г о м о л о в. Я... случайно. То есть – пришёл в гости. Этот арест... явное недоразумение...

Агент. Здесь должен быть ещё... Яропегов, Виктор Павлов.

Я р о п е г о в (в двери). Вот он.

А г е н т. Подлежите аресту и вы.

Я р о п е г о в. Неприятно.

А г е н т (усмехаясь). Никогда не замечал, что этот акт приятен для тех, кого арестуют.

Я р о п е г о в. Не замечали? Странно.

А г е н т (Сомову). Ваш кабинет?

С о м о в. Я не держу здесь бумаг.

А г е н т. Всё равно, мы должны произвести обыск.

С о м о в. Пожалуйста. (Садится на подоконник.)

А г е н т. Вы не желаете показать, где ваш кабинет?

С о м о в. Вы же будете обыскивать всю дачу, кабинет – в ней. (Нащупал револьвер под шляпой Яропегова.)

А г е н т. Хорошо. При обыске отказываетесь присутствовать? Товарищи, займитесь

там. (Сел к столу, вынимает бумаги из портфеля. Количество агентов постепенно увеличивается.)

Я р о п е г о в (схватил Сомова за руку). Ну, ну, это, брат, не игра! (Вырывает револьвер.) И нельзя стрелять, не подняв предохранитель. (Один из агентов берёт у него оружие.) Не подумайте, что он хотел стрелять в вас.

А г е н т (за столом). Нет, мы этого не подумаем, будьте спокойны.

(Богомолов – сидит, у него поза человека, который дремлет или крепко задумался. Около Сомова два агента. Яропегов, сидя на перилах, закуривает, наблюдая всех.)

С о м о в (Яропегову). Ты... свинья!

Я р о п е г о в (спокойно). Потому что не признаю за тобой права самоликвидации? Нет, это их право...

(Из комнат выходят Анна, Арсеньева, Лидия, их сопровождает агент.)

А н н а (на слова Яропегова). Что, Николай? Я говорила тебе, я говорила!

А г е н т. А что, собственно, говорили вы?

С о м о в. Это – моя мать... она психически ненормальна.

А н н а. Николай! Что ты сказал!

(Богомолов встал и тоже порывается вперёд, хочет сказать что-то, но, махнув рукой на Сомова, снова сел.)

Л и д и я (негромко). Николай... Это – серьёзно?

С о м о в. Не беспокойся.

Л и д и я. Нет... Виктор – что это значит?

Я р о п е г о в. Я думаю – ликвидация малограмотности...

А н н а. Балаганный шут...

(Лидия хочет схватить со стола револьвер Яропегова, Арсеньева удерживает её руку, агент – оружие.)

Я р о п е г о в (испуган). Что ты, что ты! Ты же не умеешь стрелять!

Л и д и я (кричит). Я хочу... я должна убить себя... Я – маленький зверь... Имею право...

А н н а. Не притворяйтесь, – вы! Истеричка!

А р с е н ь е в а (агенту). Можно увести её?

С о м о в. Веди себя прилично, Л и д и я!

Л и д и я. Нет, Николай... Я не могу больше... не могу...

А г е н т (товарищу). Уведи её в комнату, останься там.

Л и д и я. Катя, – не оставляй меня...

(Навстречу ей и Арсеньевой – Фёкла, Дуняша, агент.)

Ф ё к л а. Ба-аюшки, народу-то сколько! Здравствуйте, товарищи!

Д у н я ш а (агенту). Не толкайся! Я – не арестованная!

А г е н т. Нечаянно...

Сомов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Ф ё к л а. Виктор Павлыч, - ох! Неужто и вас заарканят?

Я р о п е г о в. Уже.

Ф ё к л а. Ну, вас, наверно, по пьяному делу!

А г е н т. Не шуми, старушка!

Ф ё к л а. Да - разве я шумлю? Я тоже не арестованная.

Д у н я ш а. Наша власть, а - толкаетесь. Неучи!

Ф ё к л а. Зря это - рычите вы, товарищ.

Д у н я ш а. Прислуга за господ не отвечает...

А г е н т. Довольно!

Ф ё к л а. Ну, давай молчим, Дуняшка...

(Агент, с чемоданом в руке, вводит на террасу Троерукова. Богомолов, видя его, поднимается со стула, качаясь на ногах.)

А г е н т. Гражданин этот бежал куда-то с чемоданом...

Т р о е р у к о в. Я его нашёл в лесу...

Б о г о м о л о в. Этот... чемодан... этот человек...

А г е н т. Гражданин, не волнуйтесь!.. Мы разберём, кто этот человек и что в чемодане...

(Богомолов, всхрипнув, падает.)

Ф ё к л а. Ой, смотрите, старичок-то...

А н н а (крестясь). Вот...

С о м о в (с надеждой, почти с радостью). Умер?

(Возня вокруг Богомолова. Троеруков сделал какой-то знак Сомову, тот усмехнулся. Погас огонь.)

А г е н т. Кто погасил? Света! Что с ним?

Я р о п е г о в. Должно быть - удар.

А г е н т. А где арестованный с чемоданом?

(Двое агентов вводят на террасу Троерукова, один из них говорит: "Гражданин этот хотел бежать".)

Т р о е р у к о в. Неправда! Просто, - я в темноте упал через перила...

А г е н т. Ловко падаете! Послать машину за доктором, и авто скорой помощи. Есть на фабрике такое авто? Живо! Что там, с обыском? (Троерукову.) Ваше имя, гражданин? Род занятий?

Т р о е р у к о в. Кирик Валентинов Троеруков, учитель пения.

1931 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

Сомов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!